

Любовь и предрассудки

Автор:

Эмилия Остен

Любовь и предрассудки

Эмилия Остен

Глядя на изумрудно-зеленые поля и невысокие холмы родной Англии, юная Бланш старалась не вспоминать о былом. Позади – четыре года жизни на чужбине. Четыре года – и ни строчки от того, кто поклялся всегда хранить ее образ в своем сердце. Но трудно забыть о неверном возлюбленном, если вдруг узнаешь его в женихе самой близкой подруги. Неужели Арнольд способен на предательство?..

Литературная обработка Н. Витько и Ю. Гавриленко

Эмилия Остен

Любовь и предрассудки

Пролог

Часы над воротами пансиона Святой Маргерит пробили восемь, и Бланш ускорила шаг: ей не хотелось опаздывать. Времени на свидание и так оставалось совсем немного, в полдень за ней приедет коляска из лондонского дома семьи Грэмхерст, а еще нужно было успеть собраться.

Раннее июньское утро было солнечным, но холодным, и девушка, одетая в легкое черное платье, зябко поежилась. «Надо было все-таки взять шаль», – мимолетно подумалось ей, но тут же все посторонние мысли вылетели из головы: Бланш увидела высокую фигуру на пороге полуразвалившейся беседки в самом дальнем уголке сада и, спотыкаясь в траве, почти бегом кинулась навстречу.

– Милая, ну наконец-то... – Светловолосый зеленоглазый юноша с нежностью заключил в объятия прильнувшую к нему девушку. – Я уже начал бояться, что ты не сможешь прийти...

Она отчаянно помотала головой, пытаясь сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы.

– Что ты... я не могла не прийти проститься. Пароход... пароход отправляется уже сегодня вечером. – Бланш всхлипнула и вцепилась в рубашку юноши, словно это могло что-то изменить.

– Не плачь, хорошая моя... – Он ласково погладил девушку по рассыпавшимся черным кудрям. – Мы же с тобой обо всем договорились: ты напишешь мне сразу по прибытии в Неаполь, сообщишь адрес, и я приеду, как только смогу. Ты даже не успеешь соскучиться – ведь тебя ждет столько новых впечатлений!

– Ну что ты такое говоришь, – с укором произнесла Бланш, – я скучаю по тебе каждую минуту, проведенную вдали... А теперь... Пока доберемся, пока определимся, где жить, пока ты получишь мое письмо... Это же целая вечность! – И она все-таки разрыдалась.

Юноша продолжал нашептывать ей на ухо слова утешения, но видно было, что у него самого ничуть не легче на душе. Полгода тайных встреч с Бланш стали для него самыми счастливыми в жизни и в то же время суровым испытанием: он понимал, что его семья никоим образом не позволит привести в дом эту юную девочку – полуангличанку-полуитальянку. Отец юноши гордился чистотой своей шотландской крови и никогда не согласился бы на такой союз. Потому-то встречи влюбленной пары и происходили исключительно тайком... Юноша надеялся что-нибудь придумать, как только достигнет совершеннолетия, до которого оставалось не так уж много, но...

Месяц назад умерла мать Бланш, и Луиджи Вернелли, отец девушки, наотрез отказался оставаться в Англии дольше, чем потребуется для улаживания всех формальностей с документами. Бланш предстояла разлука со всем привычным миром: с подругами, пансионом, ну и, конечно, с любимым... и долгое путешествие на отцовскую родину, в Неаполь. К тому же девушка не имела ни малейшего представления о том, где и как им придется жить в Италии: ее отец покинул родную страну за несколько лет до встречи со своей будущей женой, письма от оставшихся там родичей получал редко и показывал семье неохотно – видно, был там какой-то застарелый конфликт... Казалось, Луиджи обрел в Англии вторую родину. Однако внезапная смерть любимой жены подкосила его, и теперь он во что бы то ни стало стремился вернуться под лазурные небеса Неаполя и увезти с собою дочь, нисколько не интересуясь ее желаниями. Слезы и просьбы ни к чему не привели, старый дом в Шотландии им уже не принадлежит, и до расставания с английскими берегами остались считанные часы.

Гонг, сзывающий воспитанниц на завтрак, уже давно отзвучал, а юноша все не мог найти в себе силы выпустить руки любимой. Возможно, парочка так бы и оставалась в беседке до приезда коляски из Лондона, но Бланш понимала, что еще немножко – и ее начнут искать. В последний раз прижавшись к возлюбленному и подставив ему губы для поцелуя, в последний раз поклявшись помнить и писать и выслушав ответные обещания, девушка бегом бросилась к жиллому корпусу, даже не попытавшись оглянуться. Если бы она бросила назад хоть один взгляд – не смогла бы уйти никогда.

Несколько часов до отъезда прошли для нее словно во сне. Почти не отдавая себе отчета в происходящем, Бланш попрощалась с учительницами и подружками (последних еще ждало празднество по случаю окончания пансиона, а она, нося траур по матери, все равно не осталась бы на торжества). И только когда за ней захлопнулись двери дома, где девушка провела последние шесть лет, Бланш разрыдалась, отчетливо осознав, что вся ее прошлая жизнь осталась позади и больше никогда не возвратится.

Впереди ее ждали Лондон, прощание с Луизой, пароход и полная тревог жизнь в известной только по скучным отцовским рассказам стране.

В уютном маленьком садике на лепестках и листьях роз сияло полуденное солнце. От причудливой игры еще не жарких, нежных лучей могло захватить дух

у любого наблюдателя, но две юные девушки не обращали на окружающую красоту ни малейшего внимания.

На ресницах Бланш, затянутой в черный дорожный костюм, блестели крупные слезы. Вторая девушка смотрела на подругу с болью и состраданием.

– Я напишу тебе, – глухо повторяла Бланш. – Ты не волнуйся за меня, радуйся жизни... у тебя впереди все самое интересное.

– Как же я могу не волноваться, моя милая? – Голос взволнованной Луизы Грэммерст дрожал и срывался. – Ты покидаешь Англию в ужасном состоянии, внезапно лишившись любимой матери, а твой отец сам нуждается в утешении. И это не говоря уже о том, что вы едете в полную неизвестность. Как-то еще примет тебя итальянская родня...

Бланш кивнула и всхлипнула, но от потока слез удержалась. Тяжесть утраты и страх перед будущим были велики, но у девушки все-таки хватало силы духа на то, чтобы подавлять рыдания и держать голову высоко поднятой. Все, кажется, уже было выплакано утром, а еще больше расстраивать и так опечаленную отъездом подруги Луизу Бланш совсем не хотела.

– Ничего, мы справимся, – медленно проговорила она. – Отец не видит иного выхода. Остаться в Англии, где все напоминает о моей матери, для него невыносимо. И для меня, по его мнению, будет лучше уехать вместе с ним. Пансион я окончила...

Луиза, не дослушав, схватила подругу за руку, притянула к себе, обняла и расплакалась, даже не пытаясь совладать с собой.

– Но почему, почему так все происходит? Сначала мы теряем твою бедную мать, теперь и ты уезжаешь в неизвестность и оставляешь здесь все...

– Милый мой друг, из всего, что я здесь оставляю, самое дорогое – это ты, твоя семья, ваш дом и... Впрочем, остальное уже неважно.

Луиза оторвалась от ее плеча и нахмурилась:

– А твой собственный дом?

– Считай, что его просто нет. – На устах девушки в трауре мелькнула слабая тень грустной улыбки.

– О, не говори так! Это же твой дом, в котором ты родилась и выросла, я столько раз гостила в нем... Как ты можешь отмахиваться от него? Или вы... Вы его продали? – Луиза в испуге прижала к лицу руки, словно не веря в собственное предположение. Лучшая подруга, участница всех ее детских игр, дорогая мечтательница, с которой они вместе фантазировали, строя свои будущие счастливые судьбы, уезжала безо всякой надежды вернуться. И даже ее славный добрый дом оставался пустым и чужим.

– Нет, – твердо ответила Бланш, – мы его не продавали. Он просто нам не принадлежит больше. Теперь, когда моя мать умерла, Мэлидорны больше не потерпят нашего с отцом там присутствия. Да и в Италии вроде бы уже не так тревожно, как в прошлом году со всеми этими гарибальдийцами... Давай же не будем о грустном. Постарайся сохранить обо мне и моих бедных родителях только счастливые воспоминания. Когда будешь в своем саду, – Бланш взмахнула рукой, указывая вокруг, – думай обо мне, вспоминай то хорошее, что было у нас. Возможно, мне станет полегче. Ты же навсегда останешься здесь, – она прижала узкую ладонь в черной перчатке к левой стороне груди, – ты и твой дом. Когда мне будет совсем невмоготу, я вспомню, как всегда принимали меня здесь и в Уэльсе, вспомню наши с тобой прогулки по дорожкам этого сада и гадания на розовых лепестках... И почерпну в этом новые силы.

Девушки снова обнялись. Словно порывистые бабочки, белая и черная, юные беззаботные мотыльки, они до недавнего времени лишь легко порхали, без всяких забот. В кратчайший срок беда превратила одну из них в бездомную беглянку, а вторую избавила от детской наивной уверенности в том, что у тех, кого она любит, все всегда будет хорошо.

– Ты сильная, я всегда это знала! – с жаром воскликнула Луиза.

– Я стараюсь. На самом деле особой моей заслуги в этом нет. Просто свалившиеся на голову беды и заботы не дают времени на глупости и пустые страдания.

– Я понимаю. И стыжусь своего эгоизма, – опустила глаза Луиза. – Тебе и так трудно приходится, а ты еще и меня утешаешь. А ведь я остаюсь дома, и у меня все в порядке.

– Все могло быть и хуже, – попыталась улыбнуться Бланш. – Я достаточно взрослая, успела получить образование, у меня было беззаботное детство и любящие родители. Я знаю, что в отношении ко мне родных по матери нет никакой моей вины. Зато у меня есть такой замечательный друг, как ты... – Девушка задумчиво и с надеждой улыбнулась. – И к тому же... Я не одинока, пока есть люди, которые меня любят. И, кроме того, обещают мне писать.

– Конечно! Как только узнаю твой новый адрес, я сразу же отвечу и буду ждать новое письмо.

Где-то за пределами сада всхрапнула лошадь. Это значило, что уже подана коляска, чтобы ехать в порт.

– Пора, – тихо сказала Бланш и напоследок крепко обняла подругу. – До свидания!

– До свидания, – прошептала та, горестным жестом закрыв лицо ладонями и глядя сквозь пальцы вслед удаляющейся фигурке в трауре, – надеюсь, что до свидания. Как же я буду жить без твоей дружбы, Бланш?..

Осеннее утро в Уэльсе выдалось промозглым и неуютным. С лондонского дилижанса у поворота к Т. сошли двое: невысокий худощавый мужчина с усиками-щеточками и маленькая смуглая женщина, явно с примесью индусской крови, кутающаяся в шерстяной платок. Порыв ветра чуть не сбил ее с ног, но она удержалась. Лишь передернула плечами и покрепче ухватила небольшую дорожную сумку. Мужчина же жадно вдохнул свежий воздух и энергично потер руки.

– Возможно, письмо, в котором я уведомлял леди Элен о своем приезде, затерялось. Почта в королевстве иногда ходит неважно. Это к нам в Калькутту она доставляется с ближайшим пакетботом, которому всего-то и надо пересечь пару океанов. На островах все гораздо сложнее, приходится зависеть от милости разных официальных лиц. Эх, надо было отправлять телеграмму: говорят, это

надежнее. – Он бодро подхватил свой багаж и зашагал по размытой дороге.

– Лорд Райт, погодите, – растерянно пробормотала его спутница и поспешила следом. Она чувствовала себя очень неловко перед своим благодетелем. – Мало того что вам пришлось платить двойную цену за мое место в дилижансе...

– Бросьте, Анна. – Лорд Райт нахмурился и приподнял немного руки с чемоданами, словно опасаясь, что она выхватит поклажу. – Забудьте свои южные привычки, здесь вы – свободный человек, которого никто не посмеет оскорбить за цвет кожи или унижить за не выполненную вовремя работу. Представьте, что мы просто друзья и прогуливаемся до Грэмхерст-холла из-за ерундовых недоразумений с почтой. И не вздумайте хватать мой багаж, запомните: прислуга в доме Грэмхерстов занимается только своим делом.

Женщина удрученно кивнула и произнесла:

– Из-за меня вас постоянно преследуют неприятности, начиная с отставки и заканчивая сегодняшним недоразумением с почтой.

– Анна, поменьше трагизма. Отставку я принял как величайший дар, индийская жара и тоска по милым добрым британским холмам давно уже меня тяготили. И вы тут совершенно ни при чем.

– Но вам приходится заботиться обо мне, а вы в прислуге не нуждаетесь...

Лорд Райт искренне засмеялся. Прогулка и в самом деле доставляла ему удовольствие. Этот покрытый экзотическим загаром человек был здесь дома и чувствовал себя великолепно.

– Да, я привык сам ухаживать за собой и, боюсь, уже не исправлюсь.

– И тем не менее вы взяли меня в свой дом и не оставили одну, возвращаясь на родину.

Лорд Райт перестал смеяться и внимательно посмотрел на спутницу.

– Помните, Анна. Я думаю не только о вас лично, но и о людях, которые мне очень дороги. Бедняга Томас, которому вы помогли вырастить мальчишек после смерти жены, был уверен, что все замечательные черты характера развились в них благодаря вам. Мальчики не болели, хорошо учились, росли покладистыми, добрыми и смысленными. Поэтому я, не раздумывая, пообещал ему взять вас к себе, хотя самому мне и в голову бы не пришло обзавестись служанкой. Я бы никогда не стал терпеть рядом постороннего человека. Но вы так много сделали для моего друга... Я не мог допустить, чтобы вы оказались на улице.

Анна снова вздохнула, несчастно и благодарно. Несмотря на долгое путешествие, ботинки лорда Райта блестели, а на пальто не было ни соринки. И этот безупречный вид достигался совершенно без ее помощи. Лорд Райт не подпускал прислугу к личным вещам и не разрешал ухаживать за собой. Ни жены, ни детей он не имел, и проявлять неустанную заботу было просто не о ком. Анна не сомневалась, что при малейшем удобном случае лорд Райт избавится от нее как от ненужной обузы, но он, покидая Калькутту, пригласил служанку с собой, в загадочную и далекую Британию, о которой она столько рассказывала своим воспитанникам, но где даже и не помышляла оказаться сама.

Вначале все было привычно: и тычки в спину на причале, и попытка оттеснить от трапа, и отказ впустить ее в дорогую каюту, и полное пренебрежение стюардов во время завтраков и обедов. Но по мере приближения к Британии ситуация постепенно менялась. И вечером, засыпая на белоснежных простынях под умеренное покачивание волн, Анна начинала забывать и свое голодное сиротское детство, и бесконечный калейдоскоп хозяев в юности, и попытку ее несчастной матери-индианки показать дочь белому отцу, и учебу в английской миссии, на которую пробиралась тайком: вроде бы и разрешено, но очень неприятно сносить высокомерные взгляды. И тех двух мальчишек Вудов, для которых она несколько лет была единственным другом и учителем. И жизнь, проведенную в неустанных трудах. Именно проведенную: несмотря на крепкое здоровье сорокалетней женщины, Анна была уверена, что жизнь ее подходит к концу.

В Британии оказалось холодно и ветрено, шерстяная одежда непривычной тяжестью давила на тело, привыкшее к легким тканям. Безграничные просторы холмов страшили Анну, ей казалось, что на этих пустынных просторах таится еще больше опасностей, чем в шумной толкотне Калькутты.

Но назад дороги не было, и Анна, вскинув голову, спешила за лордом Райтом.

За резким поворотом вокруг подошвы холма их взглядам предстала неожиданная картина.

Двуколка застряла одним колесом в придорожной канаве. Кучер, видимо, не справившийся с управлением, залихватски ругал лошадь, пытаясь заставить ее вытащить коляску обратно на дорогу.

– Видно, ты возомнила себя собакой, раз гоняешься за лисицами, – ворчал он. Заметив людей на пустынной дороге, кучер замахал руками: – Скорее помогите мне!

Анна и опомниться не успела, как лорд Райт, аккуратно поставив свои чемоданы, подскочил к лошади, распутал мудреную упряжь, повернулся к коляске и подтолкнул ее. Кучеру оставалось лишь немного подтянуть к себе опешившую кобылу.

Лорд Райт отряхнул грязь с перчаток и улыбнулся:

– Судя по всему, с почтой проблем не было и за нами все-таки послали.

Кучер, тем временем уже взгромоздившийся на свое место и многословно благодаривший за помощь, споткнулся на полужизне и изумленно уставился на случайного помощника:

– Вы, что ли, и есть лорд Райт?

– Он самый, – весело подтвердил отставной полковник.

– Стало быть, я за вами еду?

Анна неловко переминалась с ноги на ногу, ей почему-то в очередной раз стало неловко и обидно за своего хозяина. Знали бы они, сколько подвигов совершил этот невысокий человек и почему он прихрамывает.

– За мной и за мисс Смит, – подтвердил лорд Райт.

– Про мисс Смит мне ничего не сказали, то есть сказали, но я так и не понял, кто и когда приезжает, то есть что кто-то приезжает, это я понял, но сколько человек и как их следует встречать... – Бедняга совсем запутался.

Место возле него было только одно, а гостей оказалось двое, кроме того, он только сейчас начинал осознавать, что суматоха и беспорядок, царившие в доме уже несколько дней, посвящены приезду именно этого внешне неприметного человека. Кучер знал, что какой-то старый солдат возвращался из Индии: наверное, бедный родственник решил навязаться в гостеприимный дом. Поэтому и не соотносил радостное возбуждение хозяйки с ее наказом встретить кого-то с утреннего дилижанса.

Теперь же, невольно подчиняясь влиянию этого энергичного человека, кучер понимал, что его первоначальное впечатление оказалось ошибочным.

Анна засмушалась вконец. Внезапно ей показалось, что в Грэмхерст-холле лорда Райта не ждут. И тем более не ждут незнакомую пожилую индианку.

– Узнаю дорогую Элен, – почему-то одобрительно кивнул головой лорд Райт. – Из желания сделать все идеально мой старый друг способен натворить немало несуразного. Удивляюсь еще, что она не перепутала дату. Как же я по ней соскучился! По ней и по ее милым чудачествам. Не удивлюсь, если мы застанем уборку в самом разгаре, а завтрак будет подан на кухне или веранде, потому что в остальных помещениях затеян бестолковый ремонт, заключающийся в выносе мебели и разборе стен.

Но шутки шутками, а кучер и в самом деле не знал, как ему поступить. Он развернул двуколку к имению и озвучил самый простой вариант:

– Садитесь тогда, э-э-э... лорд Райт. А за мисс Смит я потом вернусь.

Лорд Райт нахмурился:

– Оставить ее на дороге? Нет уж. Мисс Смит просто бесценна, мы не можем рисковать ею.

Несчастливая Анна, воображение которой уже успело нарисовать стаи волков и толпы разбойников, побледнела и схватилась крепче за свой чемоданчик, будто собираясь отбиваться им от любых обидчиков.

– Знаете что, – задумчиво произнес лорд, – я прекрасно умею управлять лошадьми. Поэтому довезу мисс Смит сам. А вы зато сможете неплохо прогуляться по утренней прохладе.

И пока опешивший кучер слезал на землю и осознавал происшедшее, лорд Райт успел ловко закинуть в двуколку чемоданы и запрыгнуть сам.

Коляска уже скрылась за поворотом, оставив кучера столбом стоять на дороге, когда Анна тихо спросила:

– Зачем же вы так? Теперь он будет на нас обижен...

– Вы же знаете, я стараюсь не унижать людей, – слова лорда Райта звучали горько, но твердо, – но вас или меня поодиночке оставить на дороге неприлично. Кроме того, вы непривычны к нашему климату и можете простудиться. А я бы очень хотел, чтобы вы смогли в ближайшее время приступить к своим обязанностям в Грэмхерст-холле. Моя крестница Луиза должна была уже из той крошки, что я помню, превратиться в юную девушку. И она очень нуждается в ласке, уходе и заботе. В письме я обещал ее матери, что привезу для Луизы лучшую горничную на свете.

Глава 1

Июнь 1853 года в Уэльсе выдался на удивление жарким. Непривычный для англичан зной лишал желания не только совершать какие-либо движения, но даже разговаривать. Пассажиры дилижанса угрюмо молчали. Дама в темно-зеленом платье вяло обмахивалась веером, пытаясь создать подобие ветерка, но безуспешно. Усугубляло ситуацию то, что окно не открывалось. Казалось, лишь одна – самая юная – пассажирка ничуть не страдала: вертя головой направо и налево, она старалась хотя бы краешком глаза взглянуть на лужайки и холмы, остававшиеся сзади.

Раздался свист кнута, резкое «тпру!», и, подпрыгнув на очередном ухабе, дилижанс остановился.

– Гостиница «Золотая арфа», Р...

– Ой, я, кажется, приехала! – Молодая девушка встrepенулась и, тщательно подобрав юбки синего платья с кружевной оторочкой, вышла из полутемной повозки. Лишь мельком взглянув на снимавшего с верха кареты ее багаж кучера, она медленно пошла по песчаной дорожке к дверям гостиницы. И обернулась на внезапно прозвучавший из-за спины крик:

– Бланш! Наконец-то!

Со стороны аллеи, ведущей к парку, к ней торопилась высокая блондинка в светлом платье. Она размахивала сорванной с головы соломенной шляпкой. Голубые ленты вились на ветру, заслоняя лицо, но, кроме Луизы, никто другой встречать Бланш не мог.

Четырехлетней разлуки как не бывало – уже через пару минут девушки обнимались и со слезами на глазах разглядывали друг друга.

– Бланш, да тебя не узнать, ты стала вылитая итальянка, – критическим тоном вынесла вердикт подруга. – В Англии нынче смуглый цвет лица не в моде, как ты покажешься в обществе? – Не выдержав серьезности собственного тона, она прыснула, и Бланш поддержала веселый смех: ей и в голову не приходило стесняться своего сходства с отцом.

– Но ты ведь погостишь у нас подольше, правда? – отсмеявшись, спросила Луиза. – Пойдем, там ждет коляска, – махнула она шляпкой, которую все еще продолжала держать в руке.

– Насчет подольше, право, не знаю, – мягко ответила Бланш, усаживаясь вслед за подругой на зеленые подушки. – Я приехала для оформления наследства тети Шарлотты... и отец не позже чем через пару месяцев ждет меня обратно. Хотя, сказать честно, я не так уж сильно рвусь вернуться... несмотря ни на что, мой дом в Англии, и хотелось бы здесь и остаться. Однако... – Она запнулась.

– Ну же, продолжай! – взволнованно поторопила ее Луиза.

И Бланш медленно, запинаясь, начала рассказывать обо всем том, о чем умалчивала в письмах.

* * *

Жизнь Бланш в Неаполе разительно отличалась от того, к чему привыкла и что могла представить себе ее подруга. Для шестнадцатилетней воспитанницы английского пансиона смерть матери и отъезд в чужую страну стали очень серьезным испытанием, но девушка выдержала его с честью, хотя поначалу каждое открытие было для нее почти шокирующим.

Едва ступив на итальянскую землю, Бланш осознала, что большую часть трудов по устройству жизни в Неаполе ей придется взять на себя. Похоже, отец после смерти горячо любимой жены держался из последних сил, только чтобы добраться до родины, а выполнив задуманное, опустил руки и оказался не в состоянии принимать даже простейшие решения. Итальянские родственники отнюдь не горели желанием возобновлять связи с блудным сыном, вернувшимся спустя почти двадцать лет. Дом в предместье города, который предоставила Луиджи с дочерью его двоюродная сестра, состоял из нескольких крохотных комнат с полуразвалившейся старой мебелью. Тетя, поначалу отнесшаяся к родственникам с нарочито показной заботой, мгновенно переименовала Бланш в Бланку и посоветовала Луиджи положить его невеликое состояние в банк. Ежемесячной ренты с этих денег едва хватало на самые скромные потребности маленькой семьи. Конечно, никакой прислуги у них не было, и Бланш все по дому делала сама, с горечью вспоминая годы учебы в пансионе: не похоже, что знания, полученные там, могли бы ей когда-нибудь пригодиться.

Предоставив Луиджи с дочерью крышу над головой, семья Вернелли сочла свой родственный долг выполненным и закрыла перед ними двери своего дома. Правда, отец частенько повторял Бланш, что и за это небольшое следует быть благодарными. Увы, нельзя сказать, что возвращение на родину сняло груз печали с его плеч; Бланш нередко стала находить в укромных местечках дома пустые бутылки из-под дешевого деревенского вина: Луиджи пытался глушить тоску по жене с его помощью, однако лучше ему, разумеется, не становилось.

Так что единственной отрадой Бланш долгое время оставались только письма из Англии, приходившие редко и нерегулярно, но все же приходившие. Правда... только от Луизы.

Едва успев обосноваться на новом месте, Бланш отправила по длиннейшему посланию и ей, и возлюбленному, с описанием всех дорожных перипетий и своим итальянским адресом, но ответа дождалась лишь на одно из них. Луиза, как могла, старалась поддержать подругу, ее забавные описания лондонской жизни и поместья Грэмхерст-холл словно возвращали Бланш на несколько мгновений в ту, прежнюю, счастливую пору, когда подруги были неразлучны... О своих житейских неурядицах в Италии она Луизе не писала, ограничиваясь рассказами про Неаполь и всяческий местный колорит, не желая расстраивать подругу, которая все равно ничем не сможет помочь.

Но куда с большим нетерпением Бланш ждала конверта, надписанного другой рукой... Писала сама едва ли не каждый день, греша на расстояние, почту и что угодно еще... Сначала писала часто и много, потом – реже, а спустя полгода наконец поняла, что вряд ли дождется ответа. Она все еще любила его... И не могла понять, как же можно было забыть их любовь и клятвы так быстро – едва девушка успела покинуть английскую землю... Молчание любимого разрывало ей сердце, но что она могла поделать?

«Хорошо, что никто, даже Луиза, ничего не знал о наших встречах, – думалось Бланш иногда. – По крайней мере, я не буду опозорена ни в чьих глазах, кроме своих собственных... Какая наивность, какая доверчивость. Нет, больше никогда!» – давала она себе обещание, чтобы тут же забыть его и снова и снова мечтать о том, что он вспомнит, напишет, приедет, что он любит, но какое-то злое стечение обстоятельств препятствует ему написать... А вдруг с ним что-то случилось: ранен, заболел... или вынужден был уехать куда-то... или все-таки он просто забыл о ней?

Бланш засыпала с мыслями о нем и о своей любви и просыпалась утром, чтобы вновь окунуться в холодную и суровую действительность, в заботы об отце и о доме, которые не позволяли предаваться унынию постоянно.

Лишь на четвертый год пребывания в Италии жизнь семьи Вернелли изменилась, причем как-то вдруг, внезапно.

– Понимаешь, Лу, я ведь так скучала по тебе, по Англии... что так и не смогла толком прижиться там... и друг у меня не появился. Общались немножко с соседями из дома напротив, и все. И вот с полгода назад приблизительно к ним приехала родственница – почти моя тезка по второму имени, Мария, на несколько лет старше меня. Выглядит она, кстати, совершенно нетипично для неаполитанки: белокожая блондинка с голубыми глазами... Очень красивая. И, знаешь, чем-то неуловимо похожая на мою маму. Видно, это сходство отца и зацепило. А ведь он, когда хочет, может быть просто неотразимым, – улыбнулась Бланш, – и мало ли, что Мари ему в дочери годится по возрасту... В общем, через два месяца ухаживаний он женился.

Луиза от изумления даже слегка начала заикаться:

– Т-то есть у тебя теперь есть ма... мачеха?

– Формально – да, – улыбнулась Бланш, – а по сути скорее подруга. Конечно, не такая близкая, как ты, Лу, но, когда она появилась в нашем доме, мне стало легче.

– А почему же ты мне ни слова не писала об этом? – погрозила подруге пальцем Луиза.

Бланш неуверенно улыбнулась:

– Знаешь... боялась сглазить, наверное. Представляешь, с появлением Мари отец совершенно перестал пить. Его словно подменили, он стал почти таким же, как несколько лет назад, при маме... Бодрый, жизнерадостный, готовый горы своротить! Я ужасно рада за него, и Мари мне нравится. К тому же хозяйственные заботы теперь не только на моих плечах... А не будь ее, кто знает, смогла бы я вообще приехать...

– Ничего себе! – ахнула Луиза. – Сколько, однако, у тебя новостей!

– Кроме того, – хитро посмотрела на нее подруга, – я очень хотела видеть своими собственными глазами, как ты отреагируешь на такие известия.

Девушки дружно рассмеялись.

– На самом деле только-только жизнь стала налаживаться, я бы даже не стала уезжать прямо сейчас, – посерьезнела Бланш, – но тут пришло это известие о смерти тети Шарлотты и завещании на мое имя. Отец, правда, очень сомневается, что там идет речь о сколько-нибудь значительной сумме, но в моем положении даже малыми деньгами не разбрасываются. Хотя есть вероятность, что вся сумма может уйти на оплату трудов поверенного, – смущенно улыбнулась Бланш.

– То есть все-таки ты приехала прежде всего по делам, – грустно сделала вывод Луиза. Однако ее натура не позволяла девушке печалиться дольше минуты, и, чуть помолчав, она воскликнула: – Но все-таки, все-таки хотя бы две недели ты погостишь здесь? У меня для тебя тоже есть сюрприз, между прочим! Но только дома, дома... А вот, собственно, мы уже и приехали.

Коляска, скрипя рессорами, притормозила в ожидании, пока привратник распахнет узорчатые чугунные створки. Потом она покатила по дорожке и остановилась перед широкими дверями, ведущими внутрь массивного трехэтажного здания песчаного цвета с высокими стрельчатыми окнами и с башенками на крыше. Дом был окружен огромным запущенным садом – видно было, что хозяева уделяют ему куда меньше внимания, чем следовало бы. Побегам плюща оплетали окна нижнего этажа дома, темные аллеи уходили в глубь сада, и только перед самым входом в здание была разбита роскошная клумба с розами самых всевозможных форм, цветов и размеров.

– Твоя матушка по-прежнему любит розы, как я вижу, – с улыбкой заметила Бланш и выскочила из коляски, к которой уже спешили слуги, чтобы принять и отнести в дом скромный багаж путешественницы.

На пороге дома возникла маленькая и круглая розовощекая леди в палевого цвета платье и раскрыла приветственные объятия:

– Бланш, дорогая наша девочка!

Та склонилась, обнимая хозяйку:

– Милая, добрая моя леди Элен, как же я по вас соскучилась!

Леди Грэммерст схватила девушку за плечи и принялась поворачивать, стараясь хорошенько рассмотреть со всех сторон.

– И не узнать тебя! Даже как будто немного выросла, вон какая высокая! А уж смуглая стала, настоящая южанка.

– Что вы, – смутилась Бланш, – рост – это каблуки дорожных ботинок, а загар – временный подарок итальянского солнца.

– Не говори ерунды, – решительно отмахнулась леди Элен. – Если я говорю, что ты изменилась, значит, так оно и есть. Вместо тихой тоненькой девочки-пансионерки я вижу взрослую и самостоятельную путешественницу, на которую, увы, мне приходится смотреть снизу вверх.

Она прошла в дом, не выпуская руки Бланш, подтянула гостью к большому золоченому зеркалу, висящему напротив входа, и поставила рядом с собой.

– Смотри, насколько ты меня выше, – сказала она и добавила немного потише: – К сожалению, я уже не могу потягаться с вами, милые девочки. Вам-то еще предстоит похорошеть, а я...

Леди Элен вздохнула, и девушки начали одновременно теребить ее за руки.

– Что вы, мама! – возразила Луиза. – Уж вы-то у нас еще можете дать фору многим юным красоткам. Вот увидите, наши гости просто померкнут и потеряются на вашем фоне.

Леди Элен улыбнулась и ласково погладила дочь по голове:

– Ах, спасибо на добром слове, но я уверена, что и гости, и я потеряемся рядом с тобой. Хотя теперь тебе есть с кем соревноваться. – Она лукаво посмотрела на Бланш. – Уверена, что среди молодых людей найдется немало желающих потанцевать кое с кем.

– Да, у Бланш наверняка появятся поклонники, – хихикнула Луиза.

Бланш хотела было сказать, что у нее и в мыслях нет в ближайшее время обзаводиться поклонниками, кроме того, она еще собиралась заверить леди Элен в ее неувядаемой привлекательности, но известие о приезде гостей неслыханно ее удивило.

– А по какому поводу вы ожидаете гостей? Ведь именины и ваши, и Луизы еще не скоро.

Леди Элен открыла было рот, но дочь опередила ее:

– О, пусть это будет сюрпризом. Сейчас тебе необходимо переодеться с дороги, поесть и отдохнуть, а потом ты все-все узнаешь. У меня так много новостей, так хочется рассказать тебе в подробностях, о чем я не успела написать...

Бланш кивнула. Несмотря на присущую ей бодрость, девушка и в самом деле чувствовала себя уставшей и немного разбитой после долгого путешествия.

Возвращение – а свой визит в Грэмхерст-холл она считала именно возвращением домой – было столь желанным и долгожданным, что она еле держалась на ногах от избытка впечатлений и эмоций.

– Милый старый дом, – бормотала девушка, проводя рукой по слегка потрескавшейся лакировке перил. – Помнишь, Луиза, как часто мы разглядывали эти маленькие трещинки, пытаюсь найти в них как можно больше таинственных диких зверей?

– А ты помнишь игру в прятки в комнате горничной? И «догонялки» по правилам «не спускайся со второго этажа и не касайся стен»? – перебила ее Луиза.

– Как можно забыть! Мне дороги воспоминания о днях, проведенных в вашем доме. Только здесь мы с мамой были абсолютно счастливы, потому что лишь двери дома леди Элен всегда были открыты для нас.

Луиза нахмурилась:

– Знаешь, мама не раз говорила мне, что на самом деле вы могли приехать в гости к любой из подруг твоей матери, каждая была бы рада пообщаться с

Элизабет и ее дочкой.

Бланш распахнула двери комнаты, которую считала своей. Это была маленькая спальня в желтых тонах, с обоями «под джунгли после засухи», как едко называли их две острые на язычок девочки.

– Здесь ничего не изменилось! – восторженно воскликнула она и закружилась по комнате. – Я снова чувствую себя маленькой девочкой, которая гостит у вас во время каникул!

– А ты и есть маленькая девочка, – ласково сказала Луиза. – Мама видит в тебе какие-то изменения, но я-то знаю, что ты осталась прежней. Хотя тебя и коснулись невзгоды, разом навалившись со всех сторон, им не удалось омрачить твое лицо и потушить блеск глаз. Ты просто выглядишь чуть взрослее.

Бланш не стала спорить. Тем более что Луиза редко ошибалась в вопросах, которые касались людей и человеческих отношений. Как ей удавалось с первого взгляда отделять «светлые» души от «темных», Бланш не знала. Но в том, что Луиза не судит по внешнему облику, а видит человека насквозь, Бланш не сомневалась. Раз Луиза говорит, что она не изменилась, то так оно и есть. Хорошо, что страдания и нелегкая жизнь не сломили ее и не состарили преждевременно, а выглядит она ничуть не хуже беззаботной хохотушки Луизы.

Внезапно, будто что-то вспомнив, Бланш спрятала руки в складках дорожного платья. Ее нежные пальцы, которые с легкостью справлялись и с клавишами фортепьяно, и с кистями для акварели, и с любым рукоделием, ныне выглядели обветренными, исцарапанными и покрытыми такой же потрескавшейся сеточкой, как и старая лакировка перил холла.

– Ну что ж, – сказала она, – надеюсь, мне удастся остаться в Британии. И я буду ходить летом под зонтиком, оберегая кожу от ожогов солнца.

– И станешь белая-белая, – усомнилась Луиза. – Я думаю, тебе стоит оставаться такой, какая ты есть, а не подражать безмозглым модницам. Мы сошьем тебе замечательные наряды, ты будешь самая-самая красивая среди наших гостей и обязательно – слышишь? – я уверена, обязательно встретишь свою судьбу среди них. И будешь счастлива...

Луиза щебетала, а Бланш, обессиленно опустившись на высокую кровать, обхватила вышитую золотыми птицами подушку... Ей и хотелось бы поверить словам подруги, но мысль о возможной встрече с немедленно влюбляющимся в нее неизвестным красавцем девушку не согревала. Мечтала она совсем о другом, в чем ни Луиза, ни леди Элен никак не смогли бы ей помочь. Ей вообще никто не мог помочь, и Бланш уже начинала подумывать, что ей придется пережить жизненное разочарование, соизмеримое с тем, которое едва не постигло в свое время ее матушку.

* * *

Элизабет всегда была очень хороша собой. Когда миленькая девочка превратилась в прекрасную невесту, все родственники гордились ею и пытались договориться об удобной свадьбе с полезным женихом. Но гордый нрав, неизвестно откуда возникший у этой доселе скромной и послушной девушки, не позволял ей покорно смириться с выбором родни. Бетти отказывала назойливым кавалерам одному за другим и в результате осталась без подходящей партии.

Ее ближайшая подруга Элен покорно пошла под венец с выбранным родителями женихом, Элизабет же окончательно поняла, что не может выйти замуж без любви.

Она искренне радовалась за подругу, слушала ее сбивчивые и смущенные рассказы про мужа и молча думала, что сама никогда бы не смогла привыкнуть к чужому, навязанному ей мужчине. Нет, ни один холодный и спесивый джентльмен ее не устраивал. Все они делились Элизабет на две категории: заносчивые снобы, измеряющие жизнь в золотых монетах, денежных купюрах и величине банковского счета, и деревенские мужланы вроде Артура, мужа Элен. Эти последние хоть и были достаточно милы, но при мысли о том, чтобы провести всю жизнь с человеком, которого интересуют лишь овцы и ячмень, Бетти становилось невыносимо скучно.

И девушка предпочла отмахнуться от всех разом, оглохнув к просьбам и увещаниям родителей и прочих родственников. Все они были уверены, что до добра такая заносчивость не доведет. Отец грозился найти Бетти самого старого, самого дряхлого и злого жениха, мать пугала одинокой участью старой девы, и лишь одна пожилая тетушка Шарлотта, давным-давно оставшаяся вдовой, не раз говорила ей:

– Не слушай других, моя милая девочка. Насильно тебя замуж никто не выдаст, не те уже времена. И если ты сама не испугаешься и не сдашься, если будешь верить в счастье, то обязательно дождешься того, к кому не придется привыкать. И даже если судьба отмерит вам немного времени, ты никогда не пожалеешь о сделанном.

Тетушка Шарлотта знала, о чем говорила: о ее неприличной любви к собственному мужу по всему графству ходили легенды. И памяти супруга она оставалась верна вот уже десять лет после его смерти.

Элизабет слушала тетушку и изо всех сил отбивалась от родителей. Девочки, с которыми она росла, уже давно вышли замуж. Даже невзрачная Дженни, Дженнифер Белл, послушалась родных и сделала блестящую партию. Красавчик Бернс, их общий сосед, был неслыханно богат и родовит.

Элизабет помнила нескончаемую вереницу его предков, чьи портреты занимали целую стену в охотничьем зале замка, знала, что одно перечисление поместий и угодий Бернсов занимает не менее получаса, не раз слышала истории о подвигах тех или иных представителей семьи Бернс и дальнем родстве с королевской семьей, но...

Их наследник Джеймс вызывал у Бетти тихий ужас. Слишком заносчив и высокомерен, слишком увлечен охотой и презрителен к женщинам. Облик складывался из мелочей, из случайных обрывков разговора, лишнего окрика во время бала или обычного гостевого визита.

Нет, Элизабет не завидовала Джен, а в глубине души даже жалела ее. Уж лучше бы той повезло, как Элен: простачок Артур хоть и не обладал глубокими знаниями наук, грацией и красноречием, но, по крайней мере, искренне любил свою молодую жену.

Бетти могла бы долго ждать чудесного появления идеального жениха, но ей, как и предсказывала тетушка Шарлотта, повезло. Никому не известный итальянец Луиджи Вернелли, проездом оказавшийся в соседнем городке, поразил девушку в самое сердце.

Они встретились совершенно случайно на прогулке, заговорили о каких-то пустяках и вскоре поняли, что предназначены друг для друга.

Луиджи не очень хорошо изъяснялся по-английски, и все, что он мог сообщить красивой девушке при первой встрече, так это то, что сам он из хорошей, но не очень богатой семьи, любит путешествовать и от всей души полюбил холодную Британию с ее неповторимыми зелеными холмистыми пейзажами. Он чувствовал, что судьба готовит ему сюрприз, но какой именно – не знал. Поэтому и бродил по дорогам острова, не в силах вернуться домой, где его уже ждался отец, подобравший правильную невесту.

Молодым людям хватило лишь одной беседы, чтобы решиться связать свои судьбы. Конечно, Элизабет строго-настрого был запрещен этот брак, итальянская родня Луиджи тоже не была в восторге. И влюбленным не оставалось ничего другого, как тайно обвенчаться в маленькой М-ской церкви, знаменитой своими изумительными витражами. Элизабет, выросшая в Шотландии, была католичкой, как и Луиджи, и хотя бы разности в вероисповедании между молодыми людьми не стояло.

Они поселились в маленьком домике, а вскоре у них появилась крошка Бланш, и Бетти и Луиджи почувствовали себя совершенно счастливыми. Со временем сердца родителей Элизабет немного оттаяли, и те выделили небольшие деньги на содержание и воспитание внучки. Но только и всего. Пару, рискнувшую пренебречь родительской волей, почти никто не принимал.

Единственными людьми, которые всегда были рады их видеть, оставались Элен и Артур, не менее счастливые родители маленькой Луизы, появившейся на свет годом позже Бланш.

Другая подруга Элизабет, Дженнифер, даже если и хотела принять гостей, никогда не решилась бы перечить суровому мужу. Но и немногих ее тайных визитов в дом к Луиджи и Элизабет было достаточно, чтобы Бетти не ощущала себя совершенно покинутой. Муж, дочка, две подруги – пусть одна из них и скрывает свою дружбу от посторонних, – разве этого не достаточно для счастья?

И это тихое немудреное счастье продлилось семнадцать лет, вплоть до трагической смерти Элизабет от случайного воспаления легких.

* * *

Пока Луиза вдохновенно расписывала свое видение английского будущего подруги, в дверь негромко постучали, и горничная – по виду индуска – вручила Луизе пришедшее с вечерней почтой письмо.

– Бланш, познакомься. Это Анна. Ее привез вскоре после твоего отъезда на континент мой крестный, лорд Райт, из самой Калькутты! Она моя горничная, лучше в нашем доме никого нет, и, пока ты здесь, все самое прекрасное – тебе. Анна, это мисс Вернелли, моя самая близкая и любимая подруга с ранних лет, на ближайшее время ты поступаешь в полное ее распоряжение.

– Ну зачем, Лу? – смутилась Бланш. – У меня и платьев-то таких нет, которые с помощью горничной надевать...

– Не спорь, – отрезала та. – Ты дорогая гостья, и у тебя будет все самое лучшее.

Отпустив Анну взмахом руки, Луиза вспомнила про письмо, которое все еще держала в руке. Она вскрыла узкий голубой конверт, быстро пробежала глазами по строчкам и радостно закружилась по комнате.

– Ой, Бланш! Как прекрасно!

Девушка с улыбкой взглянула на Луизу:

– Что произошло?

– Ах, Бланш, Бланш! Я так рада!

– Ты все-таки совсем еще ребенок, – покачала головой та. – Так ты скажешь, в чем заключается повод для восторга, таинственная моя?

Луиза взяла многозначительную паузу, подойдя к окну и отдергивая закрытые с вечера темные бархатные занавеси. В комнату ворвались яркие лучи солнца. Луиза обернулась и лукаво глянула на подругу, терпеливо ждавшую пояснения. Плюхнулась в кресло, отдышалась, приняла торжественный вид и выпалила:

– Через два дня сюда приезжает мой жених!

– Твой кто?! – не поняла Бланш. – Жених?! И ты ни словом не обмолвилась ни в одном письме, что собираешься замуж?!

– Да, мой жених, – смутилась Луиза. – Вообще-то это все совсем недавно произошло, когда писать в Италию было уже поздно. К тому же я хотела сделать тебе сюрприз, собиралась молчать до последнего, даже матушку подговорила, но вот не выдержала и проболталась! Если все сложится, как мы планировали, вероятно, я выйду замуж еще до конца лета. Надеюсь только, что мы не уедем сразу в Шотландию. Впрочем, он вроде бы не слишком влюблен в свое старинное поместье... Бланш, он приезжает уже послезавтра, а через неделю будет официально объявлено о нашей помолвке. Мама, по-моему, радуется больше меня, – ехидно добавила Луиза. – И волнуется тоже.

– А кто он? – поинтересовалась Бланш, еще не зная, как отнестись к таким новостям. Она не могла не понимать, что после замужества подруги их отношения с Луизой неизбежно изменятся, и что привнесет в их жизнь будущий муж Луизы, пока оставалось только гадать.

– Вот, посмотри. – Луиза сняла с шеи тонкую цепочку и протянула подруге висевшую на ней безделушку.

Бланш увидела на ее ладони небольшой серебряный медальон с искусно выполненной миниатюрой. Осторожно взяв изящную крошечную вещицу, девушка поднесла ее к глазам, всмотрелась... и внезапно без чувств упала на ковер.

На секунду остолбенев, Луиза изумленно уставилась на подругу, потом, опомнившись, отчаянно дернула шнур звонка и упала рядом с Бланш на колени. С помощью прибежавшей горничной ей быстро удалось привести девушку в чувство.

– Что с тобой? – взволнованно теребила Луиза подругу.

– Не знаю, просто закружилась голова, – пробормотала Бланш. – А может, я отвыкла от британского климата... и столько впечатлений сразу, как горный обвал...

– Ты устала после такой дальней дороги, а я мешаю тебе отдыхать, – с раскаянием выдохнула Луиза. – Тебе переодеться, полежать, быть может? А к чаю ты спустишься...

– погоди, – остановила ее Бланш. – Ты же мне так и не сказала, как зовут твоего жениха.

– Это сын маминой старинной знакомой, Арнольд Бернс, – ответила Луиза и охнула. – Нет, дорогая, я вижу, ты все-таки неважно себя чувствуешь. Давай-ка я перестану болтать и дам тебе возможность прийти в себя после путешествия... Встретимся внизу, хорошо? Если что, Анна тебе поможет, принесет все, что нужно, и вообще. – Луиза чмокнула подругу в лоб и тихонько выскользнула из комнаты.

Бланш осталась наедине со сразившей ее новостью. От свалившихся как снег на голову известий недолго было прийти в полное отчаяние. До сих пор Бланш утешала себя мыслью, что ее письма к любимому не дошли, или она перепутала адрес, или... В общем, она находила тысячи причин в оправдание своему неверному возлюбленному. Теперь же девушка поняла, что все это время обманывала себя. И как теперь жить дальше, было совершенно непонятно.

«Не буду ничего никому говорить. Я не помешаю счастью Луизы», – в конце концов решила Бланш.

Но тут же ей в голову пришла еще одна мысль: «А если он женится на ней, но так и не научится хранить верность? Не станет ли Луиза еще несчастнее, чем я? Посмотреть бы на его поведение здесь, до помолвки... Вот только... Нет, я вовсе не хочу встречаться с ним лицом к лицу! Если он собрался жениться, то меня наверняка уже забыл. Увидит – вспомнит? И что тогда? Бежать? Нет, Лу обидится – это же такое важное событие. А она про мою историю ничего не знает... Может, зря я тогда молчала? Зря не написала ни разу ей об этом из Неаполя? Но теперь поздно... Да и не поймет никто, если я уеду сейчас, решат, что я совсем ума лишилась в Италии. Что же делать? Сбежать нельзя, оставаться – невыносимо. Хотя... – На заплаканном лице девушки появилась робкая улыбка. – Если даже Луиза и леди Элен едва признали меня с первого взгляда, то он и подавно не узнает... Сейчас, спустя четыре года, при небольших усилиях изменить внешность... Я ведь и правда стала совсем другой. Вот только имя? Его-то он вряд ли мог забыть. Однако... – После короткого размышления

лицо Бланш окончательно прояснилось. – Придумала!»

Переодевшись в домашнее платье, измученная долгой дорогой и сильнейшими переживаниями, Бланш заснула, едва успев прилечь. Луиза, обеспокоенная тем, что подруга не спустилась к чаю, заглянула спустя два часа в комнату Бланш и не решилась ее тревожить – такой нежной и беззащитной казалась та во сне.

Утром следующего дня девушку разбудила горничная Анна, которая принесла кувшин с теплой водой для умывания.

– Мисс Луиза спрашивала, проснулись ли вы уже и можно ли к вам зайти?

– Конечно!

Горничная вышла, и почти тут же в комнату ворвалась Луиза.

– С добрым утром, милая! Ты отдохнула? Хорошо спала? – заботливо поинтересовалась она, помня о вчерашнем обмороке подруги.

– Да, все в порядке, – беспечно ответила Бланш. После принятия решения у нее стало ощутимо легче на душе. Однако для его выполнения девушке требовалась помощь. – Послушай, Лу... У меня есть к тебе одна просьба. Она, наверное, покажется тебе странной, но тем не менее прошу тебя – выполни ее, хорошо? Пусть все: ты, леди Элен, прислуга, – все без исключения зовут меня не Бланш, а моим вторым именем – Мэри. Я привыкла к нему на континенте.

Луиза вытаращила глаза:

– Вот это сюрприз! С каких пор ты разлюбила собственное имя?!

– Понимаешь... В Италии же наши имена произносят несколько иначе. И Бланш там немедленно переделали в Бланку, даже отец попытался было называть меня так... А оно какое-то ужасно колючее и совершенно мне не подходит, правда же?

Луиза озадаченно кивнула. У нее в голове не укладывалось, как это – носить двадцать лет одно имя, а потом вдруг назваться иначе, пусть даже в метрике

что-то такое записано.

– В общем, – продолжала Бланш, – я так и не научилась толком отзываться на Бланку, это было ужасно мучительно... А потом, когда появилась Мари, отец вспомнил про мое второе имя, Мэри. И стал нас дразнить, называя Мари-старшая – ее и Мари-младшая – меня. Нам понравилось, и я, знаешь, привыкла... В общем, называйте меня Мэри, хорошо? И, кроме того, я боюсь, ваши гости... – Девушка запнулась.

– Ну же, продолжай, думаю, больше удивить ты меня уже не сумеешь, – улыбнулась Луиза, готовая с пониманием отнестись к любому чудачеству своей подруги.

Та передернула плечами.

– Я слишком хорошо помню косые взгляды, которые бросали на меня прежде в Англии, заслышав мою итальянскую фамилию. – Бланш поморщилась. – Станешь представлять меня вашим гостям – представляй как Мэри Вернел, ладно? Не будем создавать почву для конфликтов, тем более накануне твоего праздника.

– Бланш, ну это же глупость чистой воды! – возмутилась Луиза. – Кому какое дело, итальянка ты, полуитальянка, француженка или еще кто? Ты – моя подруга, это главное!

– Лу, – мягко повторила девушка, – пожалуйста, не спорь. Просто поверь – так будет лучше. Нам обеим спокойнее, и никаких поводов для пересудов. Договорились?

– Хорошо... – с сомнением согласилась Луиза. – Я предупрежу маму и всех слуг, что у меня в гостях Мэри Вернел. Так?

– Так.

Весь день девушки провели, гуляя по Грэмхерст-холлу. Луиза всячески старалась растормошить подругу, ее зазорные «А помнишь это?» или «Не забыла ли ты про то?» звучали в различных уголках старого дома, но Бланш, казалось, утратила все оживление, с которым приехала накануне.

Луиза кляла себя за недогадливость, но никак не могла понять, что не так с подругой, а на все расспросы та лишь уклончиво качала головой. Единственное, что Луизе приходило в голову, – это длительная дорожная усталость, которая должна пройти после хорошего отдыха и крепкого сна. А для крепкого сна необходимо как следует прогуляться по свежему воздуху. И девушка вытащила Бланш в их любимый розовый сад, надеясь развеселить ее, показав новые кусты, посаженные леди Элен только в этом году, и нежные бутоны всевозможных оттенков – подобные тем, что были свидетелями прощания девушек в саду лондонского дома.

– Смотри же, Бланш... ох, то есть Мэри, здесь ничего не изменилось, только добавилось посадок... А вот это вьющиеся розы, смотри, они за время твоего отсутствия оплели всю беседку.

Бланш сглотнула плотный комок, сдавивший горло, и схватилась за плечо подруги, пытаясь устоять на ногах. Нежный и влажный аромат свежих лепестков и вид оплетенной растениями беседки остро напомнили ей собственные чувства четырехлетней давности: горечь утраты, страх неизвестности и... щемящую надежду на близкое счастье. Бланш была юна, слишком юна, все трудности казались легко преодолимыми, далекая Италия выглядела всего лишь очередным местом жительства, зато вера в любовь была непоколебимой, как суровые шотландские горы.

Что же осталось у нее теперь? Не было ни матушки, ни дома, ни средств к существованию, кроме мизерной суммы, которую она рассчитывала получить в наследство. Но с этими утратами Бланш давным-давно смирилась, а трудности научилась преодолевать. И вовсе не эти печали так угнетали девушку.

Нет, прекрасные розы очень живо и жестоко напомнили ей, что они всегда будут красивы, ухожены и любимы, в отличие от бедной полуангличанки-полуитальянки, забытой ее вероломным возлюбленным.

– Ах, – Луиза всплеснула руками, – тебе, верно, напекло голову, пойдем в тень, туда, в тисовую аллею, или в нашу рощу, помнишь, как мы оставляли в ней секреты?

– Ты забываешь, я только что из Италии, солнцем меня не напугать, – вяло заметила Бланш, но позволила увести себя от нарядных кустов в прохладную

глубь парка и усадить на аккуратный пенек, из которого по распоряжению незаменимой Анны садовник вырезал кресло с высокой спинкой.

– Я не знаю, что с тобой делать, – беспомощно призналась Луиза и кокетливыми складками разложила вокруг пенька края юбки Бланш. – Мне все время кажется, что я что-то не то говорю и поступаю не так...

– Со мной все хорошо, все пройдет. И чем реже ты будешь об этом вспоминать, тем быстрее все закончится. Лучше расскажи о себе. Ты собираешься замуж, а любишь ты... как его? Арнольда? А он тебя?

* * *

Луиза, как и ее мать Элен в юности, всегда была послушной девочкой. И хотя ее богатое воображение часто рисовало картины опасных приключений, безумных страстей и неожиданных поворотов судьбы, в глубине души она понимала, что все эти истории могут существовать только на страницах любимых романов, а сама Луиза в ближайшее время будет выдана замуж за того, кого подберет ей мать, приняв во внимание пожелания многочисленных тетюшек и прочей опытной родни. Все эти люди искренне любили Луизу и плохого, разумеется, посоветовать не могли. Нет, о браке по расчету и речи не шло, от этих страшных слов Луизу бросало и в жар, и в холод. Леди Элен неоднократно говорила ей:

– Милая моя, выходить замуж надо только по любви. И среди десятков молодых людей, подходящих тебе по возрасту и положению, ты всегда сможешь выбрать жениха по зову сердца.

Луиза охотно соглашалась с матерью. С самого вступления в светскую жизнь она увидела, что мир полон обаятельных и симпатичных юношей, каждый из которых обладал определенными достоинствами и вызывал у девушки вполне объяснимое любопытство. По вечерам, возвращаясь с бала или званого ужина, она представляла, что лорд М. или сэр Дж. – и есть ее будущий муж. Луиза рисовала в воображении всевозможные картины семейной жизни: как они будут смотреться вместе, или как она будет проводить с супругом долгие зимние вечера, в беседах или музицировании, и находила подобные сцены довольно забавными.

Если же они гостили у дальних родственников или друзей леди Элен несколько дней, то Луиза не могла уснуть дольше обычного. Ворочаясь в незнакомой кровати, разглядывая в полумраке стены, потолок и мебель чужой комнаты, она воображала, что в ближайшем будущем может стать хозяйкой этого дома или поместья. И мысль, что такая вот зеленая или голубая комната, а не ее собственная сиреневая в Грэмхерст-холле, будет ожидать ее по вечерам, просто заполняла всю Луизину светлую головку.

Игры в воображаемые замужества так увлекли девушку, что сообщение любимой тетушки, леди Глэдстоун, о визите в загадочное шотландское поместье знатного рода Бернс сразу же нарисовало занятную картину. Мрачный замок, находящийся в отдалении от дорог и людей, и она – его юная хозяйка.

Луиза увидела неприступные серые стены, бойницы, узкие окна, крышу, обдуваемую холодными ветрами, и себя, такую тонкую и изящную, всматривающуюся в даль с этой самой крыши. Ветер треплет ей волосы и раздувает юбки. А она, невыносимо прекрасная, стремится различить на горизонте... Кого она хотела различить и почему стояла на крыше в одиночестве, Луиза придумать не успела.

Путешествие оказалось не таким уж и долгим, болтовня тетушки Глэдстоун изрядно сократила путь, и Луиза увидела симпатичное здание, вовсе не похожее на замок, хотя и довольно древнее. Никаких холодных ветров – дом Бернсов хитро расположился между каменистой грядой предгорья и густым вековым лесом.

Двухдневный бал, охота и изысканные угощения; среди знакомых – кроме самой Луизы с матерью и тетушки Глэдстоун, – пара-тройка кузенов, кое-кто из дальней родни, представители нескольких знакомых по Лондону семейств и даже дальние родственники матери Бланш. Но Луиза не очень хорошо запомнила, кто именно был, а кого не хватало: все ее внимание почти сразу сосредоточилось на сыне хозяйки, сэре Арнольде Бернсе.

Леди Глэдстоун в дороге все уши прожужжала племяннице о том, какой он красавчик и умница, и Луиза ждала этой встречи с нескрываемым нетерпением.

Арнольд Бернс и вправду показался ей довольно красивым. Конечно, лорд Мореган более изящен, и в седле сидит грациознее, и танцует отлично, а сэр

Джей Лоукс и вовсе идеален почти во всех отношениях, но в Арнольде она обнаружила какое-то необъяснимое обаяние, совершенно затмевающее недостаток ловкости и обходительности.

Он не осыпал Луизу комплиментами, не всегда успевал первым подать ей руку, чтобы помочь спуститься с лошади или встать с кресла, не пытался протанцевать с ней весь вечер, из-за своей нерешительности упуская ее в распоряжение других кавалеров, но женская интуиция подсказывала девушке, что Арнольд к ней неравнодушен.

Вначале он посматривал на Луизу с любопытством, потом она поймала несколько его восхищенных взглядов. И аплодировал он после исполнения ею романса о коротком шотландском лете не так, как другие, а особенно громко. И всевозможные истории рассказывал явно в расчете на то, что она должна услышать и заинтересоваться.

Поэтому Луиза возвращалась из Шотландии домой в полной уверенности: Арнольд Бернс сражен наповал ее красотой, обаянием и талантами. А немедленного объяснения в любви не последовало по одной простой причине: Арнольд очень стеснителен. Он долго не выходил в свет, ведя замкнутый образ жизни, его матушка еле-еле настояла на приглашении гостей, и, конечно, встретив Луизу, бедняга растерялся и не смог преодолеть застенчивость.

А последовавший спустя три недели ответный визит его матери, Дженнифер Бернс, в Грэмхерст-холл и ее продолжительное шушуканье с леди Элен и тетей Глэдстоун окончательно убедили Луизу в том, что вскоре последует официальное предложение.

Она надела на тетушку с расспросами, и та покаянно призналась, что в ближайшее время они с леди Элен и леди Джен планируют помолвку Арнольда и Луизы. Сама же леди Грэмхерст почему-то избегала говорить с дочерью на эту тему.

И лишь когда изведенная многочисленными и толком не подтверждаемыми догадками Луиза растормошила ее, леди Элен призналась, что немного побаивается.

Леди Дженнифер, которую она знает с давних лет как приятельницу ее ближайшей подруги Элизабет, показалась ей измученной и странной, а ее сын Арнольд – недостаточно влюбленным в ее дорогую девочку. Сама леди Элен ни за что бы не стала спешить со свадьбой, предоставив молодым людям возможность поближе узнать друг друга, но леди Глэдстоун торопит ее, грозя возможной переменой в настроении Бернсов, хотя леди Дженнифер уже считает помолвку делом решенным.

Голова взволнованной леди Грэммерст шла кругом, и Луиза поспешила заверить мать, что в спешке нет ничего страшного или неприличного, а лорд Арнольд Бернс – кандидатура ничем не хуже любой другой.

Любит ли она его, Луиза не знала. Арнольд был статен и симпатичен, вежлив и, безусловно, – уж в этом она не сомневалась – страшно в нее влюблен. Достаточно ли этого для семейного счастья? Наверное.

Дом его находился очень далеко от Грэммерст-холла, но покинуть родные стены после замужества все равно пришлось бы. К тому же можно наездами посещать Уэльс, а в том, что Луизе придется по душе суровая красота Шотландии, она не сомневалась. Ее поэтическая натура уже рвалась сочинять стихотворения про безлюдный край (который, кстати, оказался достаточно плотно заселенным).

И вот в Грэммерст-холле ожидают гостей по случаю помолвки Луизы и Арнольда. К сожалению, леди Дженнифер Бернс приехать не могла, слабое здоровье не позволяло ей столь часто путешествовать, но она прислала теплое письмо, в котором выражала уверенность, что все пройдет гладко.

* * *

Свой рассказ Луиза заканчивала уже вечером, когда девушки возвращались к обеду, зябко поеживаясь под порывами хулиганистого ветерка.

Бланш была бледна и не прервала повествования подруги ни единым звуком. Слова Луизы подхватывал ветер и, словно комья тумана, разносил по саду.

За ужином Бланш почти ничего не ела. Она отпросилась пораньше в свою комнату и лишь в очередной раз напомнила Луизе, что при гостях называть ее надо Мэри Вернел.

Глава 2

Ранним утром, задолго до появления остальных гостей, цоканье копыт по мощеной дорожке возвестило о прибытии сэра Чарльза Миллтона с леди Лаурой и племянницей. К их приезду миссис Грэмхерст и Луиза уже спустились по парадной лестнице. Они знали, что леди Лаура всегда старается выиграть пару часов, чтобы успеть привести себя в порядок с дороги и встречать остальных гостей вместе с хозяевами.

Луиза, которой невероятно шло легкое утреннее платье нежно-зеленого цвета, бодрая и веселая, казалась быстрой и нетерпеливой лесной ланью рядом со своей спокойной матушкой. Леди Элен, умудрявшаяся даже рядом с юной дочерью смотреться мило и молодо, олицетворяла собой дух Грэмхерст-холла – такая же светлая, гостеприимная и уютная.

Леди Лаура, как всегда, свела сцену приветствия к паре незначительных фраз и, подхватив племянницу, не успевшую произнести ни слова, под руку, поспешила в отведенные им комнаты. Сэр Чарльз, который явно был бы не против подкрепиться с дороги, тем не менее последовал за супругой.

– Когда же появятся Дик или Кассий? – топнула ножкой Луиза. – Мне не терпится поскорей познакомить их с... Мэри.

– Думаю, они не заставят себя долго ждать, – безмятежно отозвалась леди Элен, – хорошо воспитанные молодые люди никогда не опаздывают. И для нашей птички любой из них стал бы неплохой партией.

Их болтовня была внезапно прервана возмущенным лошадиным ржанием и залиистой бранью слуги. Судя по всему, он не успел перехватить поводья и теперь ловил скакуна по всему двору. Человек, только что прибывший верхом, уже почти вошел в приветливо распахнутые двери, но ему пришлось вернуться и

самому заняться своей лошадью.

Почти сразу же ржание утихло, и забавная ситуация оказалась разрешена.

Луиза и леди Элен, которые со своего места не могли разглядеть сцену во всех подробностях, вытянули шеи и с любопытством переглянулись.

– Лишь один мой знакомый умеет так легко справляться даже с самыми безумными животными, – сказала леди Элен.

– И лишь он ухитряется раз за разом приобретать самых нервных созданий на острове, – весело подтвердил лорд Райт, появляясь в холле. – Как только я пригляжу себе лошадь с великолепной родословной, так непременно окажется, что она боится белых перчаток или ее не устраивают мелкие камешки на дорожке.

Луиза с восторженным визгом повисла на шее у крестного, словно не девица на выданье, ожидающая прибытия жениха, а маленькая девочка, которая хочет получить очередной мешок подарков.

– Разве мальчик, принимающий во дворе лошадей, носит белые перчатки? Или дорога плохо укатана?

Лорд Райт, несмотря на свой невысокий рост, ухитрившийся смотреть на крестницу сверху вниз, немного покружил ее по холлу и отступил назад, откровенно любуясь ее красотой.

– Иногда мне кажется, что ты не живая девушка, а картина печального художника. Нет, на этот раз трусишка настоящих арабских кровей испугался фикуса в вазоне, который стоит у входа. Как только я покинул седло, бедняга решил, что я бросаю его на растерзание зеленому чудовищу, уже приготовившемуся к прыжку.

– Я распоряжусь немедленно убрать фикус, пока он всех не перегрыз! – воскликнула леди Элен.

– А почему художник обязательно должен быть печальным? – одновременно с возгласом матери поинтересовалась Луиза. Каждое слово любимого крестного она хранила в своей памяти и время от времени вспоминала в трудных ситуациях.

– Потому что подобную красоту может создать лишь тот, кто умеет любить, страдать, воображать и бояться.

– А зачем меня бояться?

– Не тебя, а за тебя. Есть, знаешь ли, небольшая разница. Видишь ли, дорогая, ты слишком совершенна внешне, добра сердцем и отзывчива душой. Чтобы запечатлеть тебя на портрете, надо уметь переживать чувства, подобные тем, что испытываешь ты. А художник со столь тонкой натурой не может не быть несчастным.

– Как все сложно! – засмеялась Луиза. – И почему вы никогда не можете просто сказать комплимент? Обязательно надо завернуть что-нибудь эдакое.

– Потому что я побывал во многих передрягах и повстречал много людей, хороших и не очень. Я переживаю за твою судьбу, моя девочка, – тихо сказал лорд Райт и, насвистывая, прошел в залу, зная, что для проголодавшихся всадников у углового столика приготовлены напитки с легкой закуской.

Он не слишком утруждал себя переодеваниями: дорожный костюм вполне мог сойти за костюм для охоты, а при смене сорочки превращался в вечерний. Необходимости присматривать за распаковыванием багажа лорд тоже не видел, поэтому подниматься в отведенную ему комнату не стал.

Да и багаж-то его состоял лишь из необходимого минимума личных предметов и статуэтки полусонного леопарда, приготовленной в подарок Луизе на помолвку. Этот леопард был одной из немногих индийских безделушек, которые он захватил с собой в Британию. Лорд Райт не был излишне сентиментален и считал, что банковский счет лучше всего сохраняет память о необычных местах, в которых он провел лучшие годы своей жизни.

Но помолвка есть помолвка, и девушки обычно хотят получить на нее что-нибудь элегантное: кольцо, брошь или сервиз. Подобной ерунды он никогда не покупал и

покупать не собирался, а подарки крестнице с давних пор делал по удобному для него распорядку: совместная поездка по магазинам, оплата Луизиных приобретений и обед в приличном месте. На помолвку же сойдет и леопард, что до свадьбы – то для этого знаменательного события был припасен не менее экзотический индийский деревянный слон.

Луиза состроила вслед крестному рожицу, а леди Элен потрепала ее по руке:

– Он прав, я тоже боюсь за тебя. Ты слишком добра, невинна и отзывчива. А тебе приходится вступать во взрослую жизнь, которая потребует несколько иных взглядов. И как же мне не хочется отдавать тебя в чужой дом...

– Кто здесь грустит? – раздался задорный и звонкий голос тетушки Глэдстоун. Эта энергичная дама появилась в дверях сразу с двумя кавалерами. Дик Уолтер, наследник ближайшего к Грэмхерст-холлу поместья, поддерживал пожилую даму за локоток, а молодой Кассий Джонс, будущий дипломат, пытался провести между тяжелыми створками двери маленькую сердитую болонку.

– Посмотрите, какие милые мальчики, не бросают старушку в беде, – леди Глэдстоун поочередно ткнула пальцем в одного и другого, окончательно смутив и без того чувствующих себя неловко юношей. – Они любезно сопровождали меня от М. до присланной вами двуколки, потом всю дорогу скакали рядом, отодвигая ветки, теперь еще помогли мне сойти и добраться до входа...

Дик и Кассий не решались посмотреть смеющейся Луизе в глаза. Обычная недалняя поездка была превращена леди Глэдстоун в опаснейшее путешествие, полное почти непреодолимых трудностей. Между тем, скорее всего, молодые люди просто не смогли отвязаться от настойчивых просьб дамы.

– Вот какие они замечательные, – закончила та рассказ, – и из столь внимательных и чутких юношей наверняка получатся отличные, заботливые мужья. – Лица молодых людей оказались полностью залиты краской смущения, но леди Глэдстоун их не пощадила: – Какая жалость, что Луиза уже не нуждается в женихах. Но ничего, я подыщу для вас кого-нибудь. Должны же быть неплохие кандидатуры, а, Элен? Что скажешь? Будут у тебя в доме девушки, подходящие для этих молодых людей?

Леди Элен заверила ее, что непременно будут, и отправилась провожать болтушку в ее комнату.

Дик поспешил скрыться, а бедному Кассию не повезло: болонка удрала на кухню, и ему пришлось вместе с поварятами вылавливать ее.

– Хоть леди Глэдстоун и излишне многословна, но в людях она разбирается, – заметила вернувшаяся вскоре леди Элен.

– Да, Дик и Каш – очень милые, я хорошо знаю их обоих, – согласилась Луиза. – Уверена, что они заинтересуют нашу м-м... Мэри.

Гости прибывали одни за другими, хозяйки только и успевали, что здороваться да отдавать многочисленные распоряжения прислуге. Почти каждому чего-то не хватало; некоторые семьи приехали неполным составом, а другие, напротив, ухитрились захватить с собой и давно никуда не выезжавших бабушек, и чрезмерное количество слуг.

Леди Элен просто голову сломала, пытаясь сообразить, как лучше всех разместить. Луизу она старалась не нагружать подобными заботами, предоставляя дочери возможность перекинуться словечком с молодыми людьми или похихикать с приятельницами. Беззаботное девичье время так быстро кончается, и леди Элен хотелось хоть немного продлить его для дорогой доченьки.

* * *

Бланш сидела у раскрытого окна, устремив невидящий взгляд в зеленую холмистую даль. Сегодня, уже сегодня...

Она не видела его четыре года. Даже чуточку больше. Изменился ли он? Узнает ли она его с первого взгляда? Быть может, увидев Арнольда, она поймет, что все прошло, что чувства выгорели и рассыпались прахом, и удастся жить дальше без груза отвергнутой любви на душе. Девушка машинально стерла со щеки катившуюся по ней слезинку и, услышав шум во дворе, очнулась от невеселых раздумий. Похоже, начали прибывать гости, а это значит – пора звать Анну и воплощать задуманное.

Бланш резко дернула шнур звонка и в ожидании прихода горничной вытащила и разложила на кровати весь свой немудреный гардероб. Выбор был, откровенно говоря, небогат. Черное шелковое платье надевать нельзя: хотя оно и не очевидно траурное, но может вызвать ненужные ассоциации. Алое – чересчур яркое, а Бланш вовсе не желала привлекать к себе излишнее внимание. Белое годилось только для утренних выходов в узком кругу домочадцев; тем более оно было уже совсем ветхое, сохранившееся еще со времен пансиона и отъезда из Англии. Оставались жемчужно-серое и зеленоватое, напоминающее девушке волны Неаполитанского залива в плохую погоду. «Ну что ж, вот их и буду чередовать, видимо», – сделала печальный вывод Бланш и обернулась к вошедшей в комнату горничной:

– Анна, вы же умеете укладывать волосы, правда? По-разному?

Озадаченная риторическим вопросом, та кивнула. Бланш замаялась, не зная, как лучше объяснить, чего она хочет.

– Смотрите, Анна. Я всегда носила волосы распущенными либо заплетала косы и укладывала их вокруг головы. – Девушка вынула шпильки из своей незамысловатой прически, тряхнула головой – и тяжелая черная волна упала ей на плечи. – Вы сможете сделать что-нибудь принципиально отличающееся от этих двух вариантов?

Горничная внимательно оглядела со всех сторон смотревшую на нее с робкой надеждой Бланш, а потом перевела взгляд на разложенные по постели платья.

– Мисс Мэри, а что вы собираетесь надеть? К чему прическу делать будем?

Та пожала плечами и ткнула пальцем в оставшиеся наряды:

– Любое из этих. Наверное, зеленое...

– Тогда я думаю, что справлюсь, – произнесла Анна и предложила Бланш сначала переодеться, а потом уже заняться волосами.

* * *

А гости тем временем все прибывали и прибывали. Обычно тихий и малолюдный, Грэммерст-холл словно сменил уютный домашний халат и тапочки на парадное платье и был теперь наполнен веселым шумом и суматохой. Туда-сюда с поручениями сновали слуги, в обычные дни даже заподозрить нельзя было, что их на самом деле так много. По мере приближения пяти часов гости собирались в большой голубой гостиной.

Голубой гостиная называлась по цвету штофа, которым были обиты стены, портьер на окнах и диванов и пуфиков, расставленных вдоль стен просторной и светлой комнаты. В углу за роялем пряталась пара глубоких кресел.

Центром общего внимания была, конечно же, Луиза. В воздушно-кружевом платье цвета шампанского она стояла возле окна, окруженная группой молодых людей. Каждый из них считал своим долгом выразить восхищение красотой, грацией и неотразимостью юной девушки. Звонкий смех Луизы то и дело разносился по комнате, и даже то, что она поминутно кидала взгляды в окно, не мешало ей наслаждаться таким прелестным и обходительным обществом.

Незадолго до назначенного времени в голубую гостиную спустилась и Бланш, на лице которой застыла натянутая улыбка. Стараниями Анны голову девушки украшала совершенно нехарактерная для нее пышная прическа с завитыми локонами; с помощью косметики Бланш подчеркнула смуглый цвет лица и слегка изменила его черты. Луиза ахнула, увидев любимую подругу, и уже открыла было рот, чтобы засыпать ее ворохом вопросов и восклицаний, но та едва уловимо качнула головой и, будто бы поднеся ко рту платок, приложила палец к губам. «Все потом», – просигнализировала она Луизе, и та послушно промолчала, про себя все больше и больше поражаясь странностям подруги, привезенным с континента.

Бланш немедленно было представлено все блестящее общество молодых людей, но девушка словно бы вовсе не заинтересовалась ни одним из красивых и знатных юношей. Вежливо покивав и поулыбавшись им, она незаметно покинула кружок у окна и устроилась в кресле в самом темном углу комнаты.

Чем меньше оставалось времени до пяти часов, тем оживленнее становилась Луиза. Бланш, наоборот, мрачнела и почти все восклицания и вопросы Луизы, обращенные к ней, оставляла без ответа. Погрузившись в свои мысли, она очнулась лишь при возгласе подруги:

– Едет! Ну наконец-то!

– Луиза, неприлично так демонстрировать свое нетерпение, – мягко пожурела девушку леди Элен, которая вместе с прочими представителями старшего поколения недавно присоединилась к молодежи в гостиной.

– Действительно, Лу, – поддержала сестру леди Глэдстоун, – держи себя в рамках благопристойности. Вы пока еще даже не помолвлены официально. Вот когда он станет твоим мужем...

– Сэр Арнольд Бернс! – объявил дворецкий, прерывая словоохотливую тетюшку.

Вслед за дворецким в гостиную вошел юноша лет двадцати пяти. Он был высокого роста, стройный, светловолосый, большие серо-зеленые глаза в обрамлении почти по-девичьи пышных ресниц сияли радостью. В руках Арнольд держал перчатки и хлыст – видимо, как и крестный Луизы, молодой человек прибыл в поместье верхом.

Взгляды всех находившихся в комнате были устремлены на него, поэтому никто не заметил смертельной бледности, разлившейся по лицу Бланш в момент появления в комнате Арнольда; ее смуглая кожа приобрела сероватый оттенок. Однако усилием воли девушка взяла себя в руки.

Юноша поклонился обеим встречающим его леди, с почтением поцеловал руку миссис Грэммерст, а потом руку будущей невесты. Луиза, чьи щеки порозовели от смущения, повела жениха знакомиться с теми из гостей, кого он видел впервые.

В последнюю очередь они подошли к Бланш, которая, казалось, желала слиться со своим креслом и остаться незамеченной и руки которой нервно теребили вышитый носовой платок. Только сейчас Луиза обратила внимание на состояние подруги. Она открыла было рот поинтересоваться, что произошло, но та, предупреждая ее намерение, снова едва заметно покачала головой. Все произошло столь быстро, что никто не заметил заминки. Мысленно пожав плечами, уставшая удивляться Луиза выговорила заготовленную фразу:

– Мэри, представляю тебе сэра Арнольда Бернса. Арнольд, это мисс Мэри Вернел. – Услышав фамилию девушки, молодой человек слегка вздрогнул и

внимательнее всмотрелся в Бланш. Это не укрылось от ее глаз. Между тем Луиза продолжала: – Это моя лучшая, самая давняя и близкая подруга, Арнольд, поэтому вы тоже должны, просто обязаны подружиться. Я надеюсь...

Луиза замолчала, обнаружив, что ее никто не слушает. Не найдя этому иного объяснения, кроме того, что она, видимо, сказала банальность, девушка переключилась на другую тему.

– Матушка, – обратилась она к леди Элен, – а куда подевался лорд Райт? С момента его приезда я совершенно упустила крестного из виду, а мне бы хотелось познакомиться его со всеми, особенно с Арнольдом...

Между Луизой и ее матерью завязался оживленный разговор, девушка даже словно бы забыла на несколько минут про жениха, и Арнольд воспользовался этим, чтобы повнимательнее приглядеться к заинтересовавшей его особе.

Чувствуя, что пауза затянулась, Бланш ровным, безжизненным голосом завела разговор о погоде, о дороге и красотах уэльской природы. Арнольд отвечал, не отводя глаз от лица девушки, старательно сохранявшей как можно более невозмутимый вид. Наконец он не выдержал:

– Мисс Вернел, простите за нескромность...

– Да?

– У вас нет сестры?

– Сестры? – делано удивилась Бланш. – Нет, разве что совсем дальние родственники... А почему у вас возник такой вопрос? – не удержалась она.

Конечно, она не могла не догадываться о причинах, побудивших Арнольда заинтересоваться ее персоной. Не дожидаясь его ответа и опасаясь, что ее план вот-вот провалится, либо она сама не выдержит и сорвется, девушка быстро извинилась, сказав, что плохо себя чувствует, и выскользнула из комнаты, покидая взволнованного Арнольда. Все остальные просто не обратили внимания на произошедшее.

Поднявшись к себе, Бланш бросилась на кровать и разрыдалась.

– Боже, дай мне силы это вынести! – шептала она.

Вскоре в дверь постучали. Бланш вытерла слезы и как могла ровно произнесла:

– Войдите.

В комнату заглянула обеспокоенная Луиза. Потеряв Бланш из виду, она обратилась с вопросом к Арнольду, и тот сообщил, что девушка пожаловалась на плохое самочувствие и покинула гостиную. Захватив по дороге нюхательные соли, Луиза поднялась на второй этаж и постучалась к подруге.

– Что с тобой? Тебе дурно? В чем дело? Или он сказал что-то такое, что тебя обидело или задело? Мужчины бывают такими неуклюжими, просто ужас...

– Нет-нет, ничего не случилось, и сэр Бернс тут вовсе ни при чем. Просто у меня опять разболелась голова. Наверное, все-таки это реакция на смену климата, – на скорую руку нашла объяснение Бланш. – Послушай, – вдруг испуганно спросила она, – ты никому не говорила, что я приехала именно из Италии?

– Нет, кроме мамы, конечно, которая и так знает. А что?

– И не говори. И леди Элен попроси о том же, пожалуйста! – Вопрос подруги Бланш, как обычно в последние дни, оставила без ответа.

Ничего не понимая, Луиза тем не менее послушно кивнула.

– Но я все-таки беспокоюсь. Ты так внезапно убежала... Тебя точно никто не расстроил и не обидел? И сэр Уолтер... ну, Дик, он, по-моему, огорчился, увидев, что тебя больше нет там, – лукаво добавила она.

– А ты убежала вслед за мной, окончательно бросив молодых людей на произвол судьбы, – нашла в себе силы рассмеяться Бланш. – Иди к жениху и гостям, тем более что потерянный тобой лорд Райт, кажется, уже вернулся – по крайней мере, я слышала шум во дворе.

– Хорошо. Только я все же надеюсь, что ты спустишься хотя бы к ужину, будет забавно «познакомить» тебя с крестным: он же тебя не раз видел до твоего отъезда из Англии... – Заметив, что Бланш не привела в восторг такая перспектива, Луиза успокаивающе заметила: – Не волнуйся, он никогда не нарушит наш маленький заговор, даже если тебя узнает – в чем я вовсе не уверена, после того как увидела тебя сегодня... Да, между прочим, – перебила Луиза сама себя, – покажись ты в подобном виде тогда, выйдя из дилижанса, я решила бы, что ошиблась и что-то перепутала – и ты приедешь следующим... Да, так вот, ежели крестный вдруг-таки узнает тебя, я все ему объясню. Так что отдохни и обязательно возвращайся к нам! – договорила Луиза уже на пороге.

Едва за подругой захлопнулась дверь, Бланш перестала сдерживаться, и слезы хлынули из ее глаз. Природная итальянская живость характера, вспыльчивость и эмоциональность, обычно строго контролируемые девушкой, воспитанной в английском пансионе, в особо напряженные моменты неизменно брали верх. Правда, случалось это крайне редко и, как правило, без свидетелей, и Луиза, с раннего детства привыкшая к внешнему спокойствию, выдержанности и твердому характеру старшей подруги, была бы не на шутку изумлена, задержись она в комнате Бланш еще на пару минут. Напряжение, в котором бедняжка находилась последние дни, ожидая приезда в Грэммерст-холл жениха Луизы, усилилось до крайности в момент встречи с Арнольдом лицом к лицу и выплеснулось в потоке слез. Рыдания перемежались бессвязными восклицаниями, смысла которых уловить было бы невозможно, и только спустя полчаса перешли в тихие всхлипывания, когда, совершенно обессиленная этим взрывом, Бланш медленно поднялась и подошла к зеркалу в тяжелой темной раме.

– Красавица, – ехидно пробормотала она, разглядывая собственное раскрасневшееся лицо, круги под глазами и мокрые дорожки на щеках. – Просто невероятная красота. И краска вся размазалась... Да уж, выходить в таком виде нельзя. Грим придется наносить заново.

Она медленно повернулась к тумбочке, на которой стоял кувшин и прочие принадлежности для умывания, и занялась приведением своего лица хотя бы в относительный порядок.

Мысли ее оставались в полнейшем хаосе, но главным, что приводило девушку в самое непереносимое отчаяние, было осознание: она по-прежнему любит Арнольда. Несмотря ни на что. Да, он позабыл о Бланш, по-видимому, едва ее

след простыл на английских берегах. Да, он не ответил ни на одно письмо и вряд ли вспомнил о ней хоть раз за все эти годы. Да, он собирается жениться на ее лучшей подруге и, кажется, даже влюблен... Но тогда почему он смотрел на Бланш таким внимательным и обеспокоенным взглядом? Почему спросил про сестру? Подумаешь, похожие фамилии... Неужели он ее все-таки узнал, несмотря на все усилия изменить внешность и сохранить тайну? Нет, вряд ли. Скорее, просто возникли смутные ассоциации... Но почему, почему он изменил ей так скоро? Она ведь верила ему, верила каждому слову – что он напишет, приедет... что они будут вместе. Только надежда на это дала ей силы пережить первые, самые тяжелые месяцы в Италии, а потом... потом надежда тихо умирала, но, судя по всему, окончательно умерла сегодня, когда Бланш снова увидела его – ничуть не страдающего, веселого, элегантного джентльмена, которого со дня на день ожидает помолвка с юной и прекрасной наследницей большого состояния...

Бланш никогда не завидовала Луизе и ее богатству, хотя с детства знала о радикальной разнице в их положении. Благородная леди Элен воспитала дочь так, что той в жизни бы не пришло в голову ставить себя выше подруги только потому, что она, как единственная наследница семьи Грэмхерст, обладает состоянием, размер которого Бланш и не снился. Зато сейчас Бланш в отчаянии готова была проклинать собственную судьбу, бедность и незнатность, которые разлучили ее с любимым. Она прощала ему неверность и забывчивость, она прощала ему все...

Но ничего исправить было уже нельзя. Еще неделя – и Луиза станет его официальной невестой, а так как никаких причин откладывать заключение брака нет, в самом ближайшем будущем совсем не Бланш, а ее любимая подруга станет называться леди Бернс. Она – не Бланш – будет видеть Арнольда каждый день, жить в его доме, принимать его гостей, воспитывать его детей, наконец...

И тут Бланш опять расплакалась. Оказывается, запас слез вовсе не был исчерпан, и совсем немного времени потребовалось, чтобы он восстановился. Махнув рукой на данное Луизе обещание выйти вечером к гостям и понимая, что сегодня она не готова снова выдержать такое испытание, Бланш дала волю своим чувствам, и слезы хлынули неудержимой рекой.

* * *

Мистер Арчибальд Филлис, еще крепкий, только начинающий лысеть коренастый мужчина лет сорока пяти, проводил последнего посетителя и при тусклом свете догорающего закатного солнца устало принялся разбирать скопившиеся за день на столе бумаги. Поверенному хотелось поскорее завершить все дела на сегодня, и он даже не пошел за свечами.

– «Кэверлок против Кэверлока», завещание сэра Хэмсли, а это что такое? – тихо бормотал он. – Старикашка Джоунз совсем выжил из ума, требует, чтобы я приехал к нему в Бирмингем. Пошлю туда молодого Шеппера – справится, да и здесь меньше болтаться будет почем зря. Ага, а вот письмо от мисс Вернелли, уже из Лондона. Торопится девочка, – усмехнулся в усы поверенный, – видать, ей тетушкино наследство ой как необходимо, а все равно только месяцев через семь получит, не раньше. Когда там ей двадцать один стукнет, в декабре?

Он перевернул кипу еще не разобранных документов в поисках нужной бумаги. Освежив память, бросил листок на стол и, задумавшись, закурил толстую ароматную сигару. Кольца дыма поползли к невысокому потолку, в комнате стало как будто еще темнее, и стены кабинета, представляющие собой ряд полок, уставленных книгами и папками в тяжелых кожаных переплетах, потонули в сумраке.

«Не будем торопить события», – решил в конце концов Филлис. Даже если мисс Вернелли появится здесь вовремя, уж он-то сумеет убедить ее написать и заверить у него завещание, и все бумаги оформит как полагается. В конце концов, мистер Филлис много лет был поверенным семьи Мэлидорн, к которой принадлежали и мать, и тетушка Бланш Вернелли.

Решительно затушив сигару в массивной бронзовой пепельнице, поверенный аккуратно сложил оставшиеся бумаги в сейф, запер его висевшим на брелоке небольшим ключиком и, взяв трость, шляпу и перчатки, покинул свою контору, находившуюся в самом центре Эдинбурга. До небольшого домика, где его ждала только старая верная служанка, было не так уж далеко, и мистер Филлис неторопливым шагом двинулся по узкой мощеной улочке, размышляя, какое вкусное блюдо приготовит сегодня верная Глэдис для обеда, на который приглашен старый школьный приятель Арчибальда Филлиса – Джон Бернс.

* * *

Среди гостей Грэмхерст-холла нашлось немало таких, кто, устав после долгой дороги, оказался не в силах спуститься к ужину, поэтому отсутствие Бланш вечером в обществе прошло незамеченным.

Гости потихоньку разделились на две группы. Представители старшего поколения степенно обменивались впечатлениями о дороге, политике и погоде. А молодые люди, кружком обступившие Луизу, вели не столь углубленную и серьезную беседу, зато чуть ли не одновременно умудрялись обсуждать гораздо большее число тем.

Разговоры про неудобства переезда завершились еще по прибытии, жаркому лету было уделено не более пяти минут, восхваления дому и хозяйкам продержались чуть дольше, но и они вскоре иссякли благодаря природной скромности Луизы, не способной выдерживать всеобщее внимание так долго. Кроме того, ее несколько смущало поведение будущего жениха, который вовсе не стремился превзойти других юношей в подборе красивых слов и казался отстранившимся от происходящего. Добрая Луиза списала столь странное поведение на дорожную усталость и поспешила развеселить гостей милой историей про потерянную прошлым летом на прогулке шляпку, в которой этой весной жаворонки устроили гнездо.

Рассмеялись все, кроме Арнольда, рассеянно облокотившегося на холодный камин. Он задумчиво глядел внутрь, на черные стенки, как будто видел плясавшие там язычки жаркого пламени. Луизе очень хотелось напомнить ему о лете, о гостях, о себе, наконец, но она не решилась.

– А кстати, куда подевалась эта твоя подружка, Мэри-Как-Ее-Там? – вдруг спросила мисс Диана Фрэнсис, невысокая шустрая девушка с насмешливыми голубыми глазами. – Мы так и не успели толком познакомиться. Я ее даже не разглядела и вообще не помню ни на одном из приемов в нашем графстве. Она откуда?

Луиза немного замешкалась с ответом: с одной стороны, Бланш просила не упоминать Италию, а с другой – они не успели придумать никакого другого объяснения.

– Это моя старая подруга, – неопределенно ответила Луиза и кокетливо взглянула в сторону Кассия Джонса и Дика Уолтера. – Правда, она необычайно

красива?

– О да, – быстро отозвался Дик, – хоть я и успел лишь мельком взглянуть на нее, но очень хотел бы познакомиться поближе.

– Интересная девушка, – добавил Кассий, – но мне показалось, она не стремилась задержаться в нашем обществе.

– Может быть, мы ей не подходим? – Диана скрестила руки на груди и вызывающе посмотрела на Луизу. – С чего бы это ей так быстро нас покидать?

Лаура Миллтон-младшая, племянница леди Миллтон, бледная, с белокурыми, всегда гладко зачесанными волосами, больше похожая на садовую статую, чем на наследницу огромного состояния, оказалась еще более жестока в своей характеристике:

– Заносчивая гордячка эта твоя подруга, Луиза. Могла бы ради вежливости и побыть с нами немного.

– Но вы ее совсем не знаете, а сейчас она просто плохо себя чувствует и потому не пришла, – беспомощно произнесла Луиза. Ей хотелось рассказать, какая Бланш добрая, верная подруга, большая умница... И хладнокровная эгоистичная Лаура, и Диана с ее вечным сарказмом даже представить себе не могли, насколько хороший человек не понравившаяся им Бланш. Ей так много пришлось пережить, а тут – сразу после долгой дороги – гости да неожиданные известия...

Все это она хотела выпалить на одном дыхании, но внезапно осеклась, увидев, что Арнольд с нескрываемым интересом ждет ее ответа. И этот взгляд пронизательных светло-зеленых глаз смутил ее. Не то чтобы в доброе сердечко Луизы могли закрасться подозрения или глупая ревность, нет, но... она помнила, что Бланш просила ее не выдавать, а как рассказывать о ее тяжелой судьбе, не упоминая четырехлетнего отсутствия в стране, Луиза не знала.

– Думаю, завтра вам удастся познакомиться с ней поближе, и вы перемените свое мнение, – кратко сказала она. – Я хочу показать вам полузатопленный грот в дальней части парка. Это очень красивое место. Думаю, прогулка к нему может оказаться занятным приключением. Сейчас довольно сухо, можно пройти пешком. Слуги добирались туда на лодках, расчистили все внутри, закрепили

подсвечники и установили скамейки. Изумительное место, на фресках...

– Умоляю, дорогая, не выдавай все секреты, – хмыкнула Диана, – пусть красота твоего таинственного грота будет сюрпризом. А то тебе никого не удастся заманить в эту мокрую пещеру.

– Я примерно представляю, что там может быть. Комары да их любители – лягушки, – кивнула Лаура. – Любое старое поместье гордится подобными диковинами. И ты, Луиза, конечно, пошла на поводу у современной моды приглашать гостей полюбоваться именно твоим болотом. Развалины с облупившимися стенами? Капли за шиворот и тучи насекомых? Нет уж, спасибо, я предпочту сохранить свое платье чистым и сухим.

Луиза огорченно захлопала ресницами. Ей очень хотелось устроить гостям праздник, она была готова поделиться самым дорогим своим сокровищем, а девушки и слушать не пожелали. Старый грот, по верхушке которого она и Бланш лазили еще маленькими девочками, мечтая попасть внутрь и разгадать его тайну... Благодаря ее просьбам и настойчивости леди Элен дорога к гроту была расчищена, приподнята на мостки и облагорожена перильцами и ступенями. Луиза весьма гордилась проделанной работой и так искренне желала всех удивить, что ей и в голову не приходила возможность услышать столь категоричный отказ.

К счастью, Дик и Кассий воодушевились больше девушек.

– Полузатопленный грот – как таинственно звучит! – воскликнул молодой Уолтер. – У нас в парке тоже была непонятная груда камней, но мы предпочли проложить дорожки в стороне от нее, чтобы не поломать ноги. И в голову бы не пришло что-то раскапывать или благоустраивать.

В конце концов Луиза осталась довольна: Кассий поддержал приятеля в желании посетить загадочное место, да и Арнольд не стал сопротивляться приглашению.

На следующий день выяснилось, что в восстановленном гроте желал бы побывать и лорд Райт. И, конечно же, Бланш не могла отказаться посетить одно из самых памятных и любимых с детства мест.

Ласковое утро почти стерло следы ночных слез с лица девушки, она даже на миг забыла о своем безнадежном положении. Бланш снова стояла у распахнутого окна, наслаждаясь воздухом и солнцем, и пыталась представить, что не существует ни гостей, ни помолвки, ни предателя Арнольда, а есть только милый старый Грэмхерст-холл, который ей вовсе не надо покидать через какую-то жалкую неделю. И Луиза, зашедшая к ней в этот момент с рассказом о старом гроте, вызвала у Бланш искреннюю улыбку. Она с теплотой обняла подругу и пообещала немедленно спуститься.

Раз уж ей предстоит прощание с Грэмхерст-холлом, то отказываться от возможности увидеть разгадку одной из его тайн не стоит.

Бланш быстро привела себя в порядок с помощью незаменимой Анны и, пока примеряла охотничий костюм Луизы и подбирала высокие сапоги из нескольких предложенных пар, даже немного развеселилась. Ходить пешком в этой ужасной обуви неудобно, но в обычном платье и туфельках к гроту подобраться невозможно. Анна ловко закрепила нижний край юбки так, чтобы можно было двигаться без боязни упасть, выглядя при этом изящно, утянула шнуровку корсета по фигуре и убедила девушку захватить с собой теплый шарф, чтобы не продрогнуть в холодной пещере.

Бланш, погрузившись в воспоминания о детстве, сама не заметила, как оказалась внизу и встретила с компанией, уже полностью готовой к выходу.

Как ни забавно выглядели гости Луизы, да и она сама, облаченные в одинаковые сапоги и экипированные одинаковыми тростями, желания веселиться у Бланш не возникло. Как только она увидела Арнольда, все ее хорошее настроение улетучилось. Конечно, следовало ожидать, что уж будущий жених-то точно не откажется от прогулки в компании своей нареченной.

Бланш чуть не оступилась, но чья-то крепкая рука поддержала ее.

– Красивые сапожки, но не самая удобная обувь для мраморных лестниц, – весело заметил лорд Райт, помогая ей спуститься.

Девушка, собрав все душевные силы, поблагодарила его, крепче ухватила трость и твердо решила проделать весь путь сама, без чьей-либо помощи. Ни Луиза, ни лорд Райт, ни остальные не должны были догадаться о ее чувствах.

Что же касается Арнольда, то для него она вообще хотела бы перестать существовать.

Однако в присутствии всех этих джентльменов плестись тенью позади было невозможно, и Бланш ускорила шаг и устремилась вперед.

«Хорошо, что те манерные девицы отказались от прогулки, – подумалось ей. – Они бы обязательно осудили меня за порывистые движения и размашистый шаг. Хотя... Ну и пусть, пройдет всего лишь неделя – и вряд ли мы с ними когда-либо еще встретимся. А так идти гораздо удобнее. И я не вижу его лица».

Вначале она еле сдерживала себя, чтобы не обернуться и не посмотреть в предательски красивые глаза Арнольда, чтобы не проследить, насколько бережно он поддерживает при ходьбе Луизу, но постепенно кое-как справилась со своими чувствами.

Старые дубы шелестели резными листьями, подгоняя Бланш и одновременно утешая. Дорожку к гроту она обнаружила сразу. Знакомый поворот у одинокой толстой сосны – и обещанный Луизой сюрприз. Благоустроенный спуск со ступеньками из оструганных деревянных колышков, сучковатые перила, пьянящий запах смолы и свежести.

И только одно отравляло удовольствие от прогулки: Бланш казалось, что она спешит навстречу старому другу, а в спину ей дышат предатели, держащие в руках луки с отравленными стрелами.

На этот раз, однако, ей было не до переживаний: спуск оказался довольно коварным, сапоги были скользкие, а поскольку Бланш убежала далеко вперед, помочь ей спуститься было некому. Девушка закусил губу и сосредоточилась.

Спустившись, она начала ощупывать концом трости слегка притопленную тропу, а сверху еще слышалось хихиканье Луизы, которой помогали сразу четыре кавалера.

Бланш разрешила себе насмешливо фыркнуть – в адрес неловкого Арнольда, который был не в состоянии в одиночку оказать помощь своей невесте, – и пошла вперед.

Грот оказался великолепен. Его своды украшали яркие фрески со сценами из «Илиады» и «Одиссеи», а крупные камни по периметру были слегка обтесаны, изображая затаившихся мифических существ. Новые скамьи, поставленные в центре, были украшены резьбой, а причудливые кованые подсвечники с заботливо приготовленными свечами красноречиво говорили о том, как старались мастера оживить это мрачное место. Здесь не доставало лишь музыкальных инструментов и теплого огня, а также дружеской или семейной компании, которая расположилась бы на этих скамьях, взяла в руки бокалы с горячим грогом и погрузилась в необычно звучащую в акустике грота музыку.

Бланш прислушалась к мерному стуку капель и представила себе, что играет здесь для Луизы и леди Элен. Или для другого человека...

Она вздрогнула, ей захотелось надавать себе по щекам, чтобы проснуться и развеять наконец несбыточные мечты.

Голоса позади окончательно вернули ее к реальности. Восторги молодых людей, сдержанная гордость Луизы, искренняя похвала лорда Райта – все это пролетало мимо Бланш. Она стояла в самом центре грота, застывшая, как одно из каменных чудовищ, и чем-то неуловимо напоминала изображение ждущей на берегу Пенелопы.

– Как ловко вы спустились, мисс Вернел, – услышала она вдруг самый долгожданный на свете голос, – как будто проделываете подобные трюки каждый день. Вы бывали здесь раньше?

– Я очень давно дружу с Луизой, – уклончиво ответила она и отвернулась.

– Мы могли только завидовать, наблюдая вашу ловкость, – добавил Дик, демонстративно снимая шляпу, – но, согласитесь, отказываясь от помощи любого из нас, вы ухитрились поставить всех мужчин в неловкое положение.

– Я привыкла рассчитывать лишь на свои силы, – грустно сказала Бланш, понимая, что этот милый мальчик ни в чем не виноват, как не виноват и второй, смешной долговязый юноша с оттопыренными ушами. Как его там вчера представила Луиза? Кассий, будущая гордость колониальной Британии? А пока тренируется в дипломатии на собачке тетушки Глэдстоун. Если бы не Арнольд, она бы обязательно немного пофлиртowała с ними обоими. Симпатичные юноши

и приятные собеседники, почему бы и не пообщаться с ними?

Но сейчас ничего подобного Бланш позволить себе не могла. Даже пустые разговоры казались безумной пыткой, она еле выдавливала из себя ничего не значащие слова, мечтая оказаться подальше от всех мужчин на свете.

– Кажется, нам пора обратно, если мы не хотим опоздать к ленчу, – вздохнула Луиза. Ее глаза лучились счастьем, она понимала, что желаемый эффект достигнут и все, кто должен был оценить ее труды по восстановлению грота, искренне восхищены. Она видела, что Бланш замерла и почти потеряла дар речи от изумления, а лорд Райт, искушенный знаток искусства, одобрительно покачивает головой.

– Карабкаться обратно еще труднее, боюсь, мне снова потребуется помощь, – смеясь, добавила она и ненавязчиво протянула руку жениху. Арнольд с готовностью подставил свой локоть, чтобы девушка оперлась на него. – Надеюсь, на обратном пути Мэри не позволят остаться одной?

Дик и Кассий, опережая друг друга, с готовностью протянули Бланш свои руки. Слабое освещение и отблески воды оставляли на их лицах такие загадочные тени, что Бланш почудилось, будто эти руки предложены вместе с сердцами и наследными состояниями. Что ж, это было бы не так уж и плохо, вот только если бы она могла ответить им взаимностью...

Она не знала, чью помощь выбрать, чтобы не обидеть второго, и слегка растерялась. В этот момент прозвучал голос лорда Райта:

– Позвольте мне проводить вас, мисс Мэри. Боюсь, что отпускать вас с одним из этих замечательных молодых людей было бы неосмотрительно. Леди Глэдстоун непременно сделает из подобной прогулки недвусмысленный вывод.

Бланш с благодарностью ухватилась за это предложение и покинула грот вместе с лордом. Крестного Луизы она знала давно: еще во время его службы в Индии он приезжал в Британию, наполняя Грэмхерст-холл шутками и весельем. Лорд Райт внушал девушке доверие: он не был болтлив и, похоже, оказался не в состоянии разгадать ее тайну.

Они уже преодолели водную тропу и начали подъем по ступенькам, но...

Маленькая лягушка, желавшая сократить путь, выбрала тот же сосновый пенек, что и ножка Бланш. С возмущенным кваканьем лесная жительница прыгнула вперед, и Бланш, уже отпустившая перила, потеряла опору.

Лорд Райт, обладающий отменной реакцией, успел подхватить девушку, но на самодельной лестнице удержать ее оказалось труднее, чем на мраморной, и он чуть было не вывихнул Бланш руку.

Тем не менее опасного падения не произошло. Девушка схватилась за перила, отбросив почти бесполезную трость, и облегченно перевела дух.

– У вас все в порядке, Бланш? – поинтересовался лорд Райт.

Она вздрогнула и чуть было не выпустила спасительные перила.

– Как вы меня назвали?

Лорд Райт пожал плечами:

– Нас здесь никто ее слышит, мистер Уолтер и мистер Джонс здорово отстали, и я решил, что сейчас можно не поддерживать вашу игру.

– И как давно вы знаете?

– Да сразу же. Разве можно вас было не узнать?

Бланш зажмурила глаза. Неужели все ее старания напрасны? Но ведь леди Глэдстоун, да и кое-кто из остальных гостей, видевших ее прежде...

– Да не бойтесь так, я не собираюсь выдавать ваш маленький секрет, Мэри, хотя и не знаю, зачем вы устроили эту игру, – заверил ее лорд Райт, и они продолжили восхождение. – Многие люди смотрят на внешние признаки: возраст, одежда, прическа, манера речи... А есть ведь то, что в людях не меняется. Вот вы как были маленьким бесенком, вечно заманивающим мою милую крестницу Луизу в передряги, так и остались. Вспоминаю, как волновалась Элен, когда вы таскались по этим развалинам! Именно вы были

завоდიлой, и именно из-за вас в доме разбивались коллекционные вазы. Эту шаловливую и беспокойную натуру скрыть невозможно, тем более от меня...

Бланш молчала. Лорд Райт говорил о своем, но девушка все принимала слишком близко к сердцу. Крестный Луизы понимал ее характер, Луиза и леди Элен тоже хорошо ее знали. И лишь Арнольду ее беспокойная натура оказалась неинтересна. Только его удалось обвести вокруг пальца новым платьем и непривычными локонами.

– ...и не забывайте, Бланш, я много лет провел среди индусов, различать которых европейцу очень трудно. Мне пришлось научиться обращать внимание на такие признаки, как форма скул, посадка ушей, длина пальцев, поэтому одному человеку очень трудно выдать себя за другого в моих глазах. И уж тем более маленькой английской девочке.

Слушая лорда Райта, который переключился на повествование об Индии – а рассказывал Луизин крестный всегда так, что можно было заслушаться, – Бланш сама не заметила, как они покинули дикую, заросшую часть парка и вышли на лужайку под окнами дома. Там, коротая время до ленча в ожидании отправившихся в грот путешественников, играли в бадминтон Диана с младшей Лаурой.

– Смотрите-ка, кажется, эта мисс Как-Ее-Там нашла себе подходящую компанию, – съехидничала Диана, отбивая волан. – Видимо, общество старикашек устраивает ее куда больше нашего.

– А сапоги-то, сапоги! Ты только посмотри, Ди, – ничуть не смущаясь тем, что Бланш и лорд Райт подошли к ним уже совсем близко, воскликнула Лаура, – да она просто неотразима в этом костюме, прямо хоть сейчас на бал.

– Надеюсь, у нее хватит ума переодеться к ленчу, – скривилась мисс Фрэнсис.

Услышав это обсуждение, Бланш вздрогнула, но, не подавая вида, что задета, приветственно кивнула девушкам и так же в сопровождении лорда вошла в дом. Остаться в Грэмхерст-холле ей с каждым часом становилось все тяжелее.

Погода всегда благоволила к Луизе. Ни одно празднование ее именин не было омрачено даже самой завалящей тучкой. Луиза всегда могла совершенно спокойно отправляться на пикник в светлом нарядном платье, она знала: природа не покажет ей зубки, не намочит подол и не забрызгает грязью, внезапный дождь не расстроит ее гостей и не превратит ее саму в мокрую курицу.

Поэтому в среду – в день, на который была назначена охота, – Луиза проснулась с легким сердцем и в отличном настроении. Странности Бланш почти перестали ее тяготить: казалось, что подруга достаточно освоилась с климатом и пришла в себя после утомительного пути. Охота, по мнению Луизы, должна была окончательно развеять остатки ее грусти.

Сама мисс Грэмхерст не особенно любила подобные развлечения: ранний подъем, целый день в седле, легкое чувство голода, а главное – почти полное отсутствие бесед с молодыми людьми. Но леди Элен так тщательно готовилась к празднику, выписывала лучших егерей, согласовывала с соседями состав своры и маршрут, заказала яркие флажки, ленты, несколько карет и пару десятков маленьких рожков для гостей, наряды для себя, дочери и Бланш, множество запасных деталей туалета, хлысты и свистки, бинокли и изящные сигнальные фейерверки-хлопушки...

И самое главное, Арнольд изъявил желание принять участие в охоте одним из первых. Девушка надеялась, что он не только сможет отличиться в этой довольно жестокой забаве, но и выкроит время поухаживать за ней. Все это она поутру и сообщила подруге, одновременно подмигивая и намекая на успех, который та возымела у Дика и Кассия.

Бедная Бланш изо всех сил старалась улыбаться и обещала получить удовольствие от предстоящего развлечения. Ей показалось, что наилучшим вариантом будет держаться подальше от Луизы. Она и Арнольд окажутся увлечены друг другом и быстро про нее позабудут. И если она заставит лошадь плестись в конце процессии, то, вероятно, удастся наблюдать за происходящим, не привлекая к себе излишнего внимания.

Поначалу Бланш вроде бы удавалось осуществить свой план. Она уже почти была готова сесть в седло, когда Арнольд проскочил мимо нее в диком галопе и, не оборачиваясь, устремился вперед. Бланш могла бы поклясться, что он не то что не разглядел ее как следует, но и вообще не заметил, что за лошадью, помимо конюха, кто-то стоял.

Но потом начались трудности. Еще не успели вывести всех гончих на охотничью тропу, а она, уже в седле, металась среди гостей, тщетно пытаясь затеряться. Оказалось, что в суматохе, лае, ржании, свисте и звуках горна все ухитряются прекрасно друг друга видеть и даже переговариваться.

– Лорд Райт, я смотрю, ваша лошадка сегодня не такая пугливая!

– Ну что вы, она просто еще не успела увидеть зайца!

– Милый Кассий, вы не повезете корзинку с моей болонкой?

– Дорогая леди Глэдстоун, я счел бы за честь подобное доверие, но ваша болонка так сладко уснула в карете рядом с коробом пирожков, что я не рискну разбудить ее тряской в седле.

– Мэри, ну что вы болтаетесь на лошади, как куль соломы? Садитесь к нам в карету, мы подвинемся.

Бланш вздрогнула. Шарахнувшись от Кассия Джонса, который то ли желал составить ей компанию, то ли направил на нее лошадь, желая подшутить, она резко дернула повод правой рукой и чуть не налетела на карету с леди Глэдстоун и Лаурой Миллтон-старшей.

Мысль отсидеться в карете показалась девушке довольно заманчивой. Это был шанс скрыться от нежелательного внимания на время всего выезда. Хотя, конечно, леди Глэдстоун наверняка задержит Кассия вопросами про свою собачку, и никто не поручится за то, что она не ухитрится пристать с какой-нибудь ерундой и к Арнольду...

Но в карете она не будет на виду, и, возможно, ничего, способного раскрыть ее инкогнито, не произойдет.

Бланш уже собиралась было принять предложение и отдать оседланную лошадь кому-нибудь из менее расторопных дам, хотя бы даже Диане или младшей Лауре, но в этот момент леди Лаура Миллтон произнесла:

– Садитесь же, милочка. Пока мы наконец выедем, вы сможете развлечь нас рассказом про свою семью. Что-то я вас не припомню, вы не поведаете о своем генеалогическом древе?

Бланш даже откинулась в седле назад и сильно дернула гнедую за повод, раздирая ей губы.

– Нет-нет, спасибо, я очень бы хотела прокатиться верхом.

Гнедая скосила на знатных дам испуганный карий глаз. Леди Лаура холодно произнесла:

– Не думаю, что вам стоит так напрягать себя и бедное животное.

– Если прогулка для нас не задастся, я всегда успею ее прекратить, – ответила Бланш, сама себя ругая за эти слова. Теперь путь в карету и сердца этих двух леди отрезан, а она хотела бы считать их своими друзьями. Впрочем, как и всех остальных гостей Грэмхерст-холла.

Бланш постаралась отъехать подальше и от них, но чуть не столкнулась с Дианой и Лаурой-младшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/emiliya-osten/lyubov-i-pedrassudki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)